

CARNEGIE
ENDOWMENT FOR
INTERNATIONAL PEACE

ДЕКАБРЬ 2022

CHINA *local / global*

Как оказание иностранной помощи помогает Китаю укреплять связи с правлящими элитами Центральной Азии

Наргис Касенова

Как оказание иностранной помощи помогает Китаю укреплять связи с правящими элитами Центральной Азии

Наргис Касенова

©2022 Carnegie Endowment for International Peace. Все права защищены.

Фонд Карнеги за Международный Мир как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир, его сотрудников или попечителей.

Данная публикация предназначена исключительно для личного использования и не подлежит воспроизведению, распространению или переработке без письменного разрешения Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы на перепечатку направляйте, пожалуйста, в:

Carnegie Endowment for International Peace
Publications Department
1779 Massachusetts Avenue NW Washington, DC 20036
P: + 1 202 483 7600
F: + 1 202 483 1840 CarnegieEndowment.org

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта: CarnegieEndowment.org

Фото на обложке: iStockphoto.com

ОГЛАВЛЕНИЕ

China Local/Global	vii
Краткое содержание	1
Введение	3
Китайская традиция дарений	6
Иностранная помощь как дарение	9
Иностранная помощь с «китайской спецификой»	11
Китайская помощь Центральной Азии	14
Улица с двусторонним движением	18
Выводы и уроки	31
Об авторе	34
Примечания	35

China Local/Global

Китай стал мировой державой, но вопрос о том, как эта перемена произошла и что она означает, не изучен достаточно глубоко. Часто говорят, что Китай экспортирует собственную модель развития и навязывает ее другим странам. Это верно, однако Пекин расширяет свое влияние и иным путем — действуя через структуры и институты других государств, адаптируется и ассимилирует свои культурные формы, нормы и практики с местными.

В рамках многолетнего гранта, предоставленного Фондом Форда, Фонд Карнеги инициировал ряд исследований нового типа, посвященных стратегическим направлениям деятельности Китая в странах семи мировых регионов: Африки, Центральной Азии, Латинской Америки, Ближнего Востока и Северной Африки, Тихоокеанского региона, Южной и Юго-Восточной Азии. Проект включает в себя как исследовательскую работу, так и стратегические обобщения. Общая цель его — проанализировать сложную динамику этой деятельности КНР, чтобы понять, как, например, происходит адаптация китайских компаний к местному трудовому законодательству в Латинской Америке; как китайские банки и фонды изучают возможности традиционных исламских финансово-кредитных продуктов в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке или как китайцы помогают повышать квалификацию местных работников в Центральной Азии. Обычно эти адаптивные стратегии Китая, действующего на внешних рынках с учетом местных реалий, не привлекают внимания политических лидеров, особенно западных.

Проект нацелен в конечном счете на более глубокое понимание роли Китая в мире и выработку новых политических идей. Его реализация поможет

- региональным правительствам эффективнее направлять деятельность Китая в нужное русло, способствуя развитию их собственного общества и экономики;
- сделать выводы относительно возможностей западного участия в глобальных процессах, особенно в развивающихся странах;
- политическим кругам в самом Китае извлечь уроки из разностороннего китайского опыта последних лет;
- снизить вероятность конфликтов.

Эван А. Фейгенбаум

Вице-президент по научным исследованиям, Фонд Карнеги за международный мир

Краткое содержание

Пять независимых государств Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – числятся среди крупнейших получателей китайской иностранной помощи. К основным ее предметам относятся автобусы и тракторы, военная техника и полицейские машины; кроме того, китайцы помогают в строительстве больниц, школ и правительственных зданий. Китайские государственные учреждения также выделяют стипендии студентам и финансируют программы подготовки для госслужащих и офицеров из стран Центральной Азии. Такие подарки представляют собой важную черту китайской внешней политики как в соседних странах, так и в остальном мире, поскольку помогают выстраивать отношения за счет укрепления политических, социальных и культурных связей на самых разных уровнях (между правительствами, между лидерами и между отдельными людьми).

По утверждению Пекина, основой его иностранной помощи служат «присущий китайскому народу идеал вселенской гармонии» и «китайская традиция интернационализма». За прошедшие годы Пекин сформировал особый нарратив и набор практик. Одной из особенностей его подхода является представление иностранной помощи как формы сотрудничества по линии Юг-Юг с упором на равенство как основу отношений с другими странами. Тем не менее, подобная риторика плохо согласуется со скорее односторонним (а не взаимным) характером иностранной помощи и с заявлениями о том, что Китай – это большая страна, которая просто обязана проявлять благожелательность по отношению к меньшим странам.

Несмотря на явный дисбаланс сил между Китаем и центральноазиатскими странами, китайские руководители регулярно устраивают тщательно срежиссированные церемонии, на которых подчеркнуто уважительно общаются со своими визави. Пышная обстановка, царящая на этих встречах, и риторика о партнерстве лишь отчасти смягчают реалии иерархического порядка, в рамках которого Китай выступает великой державой и донором. Государства Центральной Азии не могут отблагодарить Китай равноценными подарками и потому отчасти выражают свою взаимность тем, что идут навстречу политическим целям Пекина, поддерживая принцип «одного Китая» и подчеркивая свою приверженность борьбе с этническим сепаратизмом, экстремизмом и терроризмом.

Оказывая помощь, Китай обязуется уважать мнения и потребности других развивающихся стран и принимать во внимание их уровень развития. В странах Центральной Азии он отдает приоритет видам поддержки, максимально отвечающим местным нуждам, которые, однако, определяются местными элитами. Китайская помощь помогает последним смягчить некачественность управления, укрепить свою репутацию в глазах избирателей и улучшить свои перспективы и материальное положение.

Важной целью китайской иностранной помощи является развитие межличностных связей. В проектах и тренингах, проводимых Пекином, участвуют чиновники, военные, инженеры и другие представители центральноазиатских стран, многие из которых тесно связаны с правящими кругами, что создает возможности для расширения социальных связей и усиления китайского влияния на местную политику. Такой подход хорошо сочетается с тем вниманием, которое элиты стран Центральной Азии уделяют поддержанию межличностных отношений посредством подарков, услуг и банкетов. В этом смысле у политических культур Китая и Центральной Азии много общего, и Пекин научился использовать этот фактор для укрепления своего влияния.

Такие отношения включают в себя и элемент обучения. Изучение китайской помощи Кыргызстану и Таджикистану показывает, что обе стороны постоянно знакомятся с методами друг друга и приспосабливаются. Китай избрал подход, ориентированный на правящие элиты стран-получателей помощи. В свою очередь, руководители центральноазиатских стран наблюдают за укреплением мощи Китая и за тем, как он оказывает помощь в других регионах мира, и на этой основе меняют свои запросы.

Китай научился варьировать подарки в зависимости от политической обстановки и распределения сил между элитами в каждой центральноазиатской стране. Так, он постоянно поддерживает Таджикистан, где у власти уже несколько десятилетий находятся президент Эмомали Рахмон и связанные с ним элиты. Китай и Рахмон вместе со своим окружением выработали модель, выгодную обеим сторонам. В свою очередь, в Кыргызстане лидеры меняются часто, порой вследствие революций – на первый взгляд, это подрывает попытки Китая выстраивать связи с местными элитами, но и здесь он сохраняет свое влияние благодаря тому, что приспосабливается к каждому новому циклу политических потрясений, тщательно продумывая свои подарки подарками, и налаживая взаимодействие с новыми лицами и элитными группами.

За внешним фасадом и риторикой скрываются более сложные чувства и представления обеих сторон. Центральноазиатские страны подозревают, что подлинные мотивы оказания китайской помощи отличаются от официальных. Правящие элиты, просящие и получающие эти подарки, должны прикладывать немало усилий, чтобы представить их в надлежащем свете в своих странах, ведь обычные жители Кыргызстана или Таджикистана зачастую высказывают сомнения в социальных сетях относительно их подоплеки.

Как следствие, отношения Китая с государствами Центральной Азии носят противоречивый характер и далеко не так гармоничны, какими их любит представлять Пекин. Несмотря на риторику о сотрудничестве по линии Юг-Юг, представители региона понимают, что на их глазах складывается новая иерархическая модель, и открыто высказывают опасения о том, что их страны окажутся под китайским господством. Местные элиты научились извлекать выгоду из помощи

Китая и выразить ему благодарность, однако их лояльность переменчива и определяется местной политической обстановкой. Китаю придется и дальше приспосабливаться, поскольку в Кыргызстане политические перемены скорее всего будут продолжаться, а в будущем произойдут и в Таджикистане.

Сочетание материальных подарков и межличностных социальных связей с элитами представляет собой характерную черту китайского подхода к Центральной Азии и сильно отличает его от принципов западных стран, которые, как правило, обуславливают взаимодействие с Центральной Азией соблюдением определенных политических норм и принципов. Китайский порядок гибче приспосабливается к различным политическим режимам, но он явно и недвусмысленно служит интересам Пекина. Тем не менее, китайское вовлечение также провоцирует волны недовольства местного населения в странах региона, с которыми умеют справляться только местные элиты.

Введение

Пять независимых государств Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – числятся среди крупнейших получателей китайской иностранной помощи, которую Пекин ожидаемо называет «безвозмездной». В нее входят автобусы и тракторы, военная техника и полицейские машины; кроме того, китайцы помогают в строительстве больниц, школ и правительственных зданий. Китайские госучреждения также выделяют стипендии студентам и финансируют программы подготовки для госслужащих и офицеров из стран Центральной Азии, а во время пандемии коронавируса Китай отправил в регион огромное количество масок, средств индивидуальной защиты и вакцин.

Такие меры представляют собой важную черту китайской внешней политики как в соседних странах, так и в остальном мире, поскольку помогают выстраивать отношения за счет укрепления политических, социальных и культурных связей на самых разных уровнях (между правительствами, между лидерами и между отдельными людьми). Благодаря раздаче и получению помощи между Китаем и странами региона складываются иерархические отношения.

Но на этом история не заканчивается. Китайская модель оказания помощи Центральной Азии, на деле, представляет собой улицу с двусторонним движением: за многие годы китайские элиты хорошо изучили, какие цели преследуют и какими мотивами руководствуются местные правящие элиты и в каких условиях они действуют. В ходе церемоний передачи помощи и в других обстоятельствах представители КНР выражают симпатию и солидарность от имени китайского народа, а их коллеги из Центральной Азии отвечают признательностью и благодарностью от имени своих народов. Но в силу авторитарного характера политических систем этих стран

конечным результатом становится то, что китайские представления и подходы к региону привязываются к нуждам элит. При этом многие жители стран Центральной Азии по-прежнему со скепсисом относятся к политике и намерениям Китая.

Такая модель раздачи и получения помощи создала отношения взаимозависимости между элитами, которые показывают, что китайские чиновники не просто научились добиваться внешнеполитических целей Пекина, но и наладили личные связи со своими центральноазиатскими коллегами и приспособились к их задачам и запросам, многие из которых направлены на то, чтобы показать местным жителям, что действия элит приносят им явную выгоду.

Китай также научился варьировать подарки в зависимости от политической обстановки и распределения сил между элитами в каждой центральноазиатской стране. Так, он непрерывно поддерживал Таджикистан, где у власти уже несколько десятилетий находятся президент Эмомали Рахмон и связанные с ним элиты. Китай и Рахмон вместе со своим окружением выработали модель, выгодную обеим сторонам. В свою очередь, в Кыргызстане лидеры меняются часто, порой вследствие революций – на первый взгляд, это подрывает попытки Китая выстраивать связи с местными элитами, но и здесь он сохраняет свое влияние благодаря тому, что приспосабливается к каждому новому циклу политических потрясений, тщательно продумывая, кому подносить подарки, и налаживая взаимодействие с новыми лицами и группами элит.

В оказании помощи всем пяти странам Центральной Азии Китай отдает приоритет инфраструктурным проектам и различным программам обучения, поскольку они в наибольшей степени отвечают местным нуждам и условиям, а также помогают местным элитам улучшить свою репутацию в глазах избирателей и укрепить собственное положение. Программы обучения преследуют цель наладить не только обмен знаниями, но и личные отношения с правящими элитами. Выстраивание подобных социальных и политических связей стало важным компонентом военной, публичной и культурной дипломатии Китая в регионе. Такой подход хорошо сочетается с тем вниманием, которое элиты стран Центральной Азии уделяют поддержанию межличностных отношений посредством подарков, услуг и банкетов. В этом смысле у политических культур Китая и Центральной Азии много общего, и Пекин научился использовать этот фактор для укрепления своего влияния.

Настоящее исследование китайской помощи Центральной Азии, в котором особое внимание уделяется Кыргызстану и Таджикистану, отражает эти черты и модели межличностных связей и выстраивание социальных и политических связей со стороны Китая, умеющего приспособливаться к обстоятельствам. На протяжении последних трех десятилетий Китай неуклонно расширяет использование этих стратегий взаимодействия.

В исследовании показана присущая китайской помощи проблема взаимности. Пекин, разумеется,

называет ее «безвозмездной», однако на деле она обуславливается соображениями политической целесообразности и предполагает, что в ответ страны Центральной Азии будут поддерживать Китай на пути достижения его политических целей. Примером здесь может служить готовность центральноазиатских правящих элит воздерживаться от поддержки того, что китайские власти называют «этническим сепаратизмом, религиозным экстремизмом и терроризмом» в Синьцзяне, несмотря на то что определенные слои общества Центральной Азии испытывают симпатию к уйгурам и сочувствуют их бедственному положению.¹ Подобная поддержка политических целей Пекина в Синьцзяне представляет собой необходимую плату за возможность вести дела с Китаем, но местные элиты охотно выражают ее в знак благодарности за помощь. Однако за рамками этих требований условия обмена остаются неясными. Так, Китай ожидает, что центральноазиатские правительства будут поддерживать Пекин и на международных форумах; в большинстве случаев этого действительно можно ожидать, однако такие действия крайне редко облекаются в форму зафиксированных в договорах обязательств.

Ключевая проблема заключается в том зазоре между региональными элитами, с которыми Китай научился сотрудничать, и широкой общественностью, в работе с которой Пекин не может похвастать такими успехами. Столкнувшись с разницей в настроениях элит и обычных граждан стран Центральной Азии относительно Китая, китайские чиновники научились подыгрывать предпочтениям элит в надежде, что те, в свою очередь, будут удерживать граждан в орбите китайских экономических и политических предпочтений. В действительности, хотя чиновники из Центральной Азии охотно извлекают выгоду от китайской помощи (а иногда и незаконно ее присваивают), это не гарантирует их лояльности.

Все это может приводить политику Китая в Центральной Азии к противоречивым результатам, поскольку общества региона, как правило, подозревают, что подлинные мотивы китайской помощи отличаются от декларируемых. Такие подозрения широко распространены и открыто озвучиваются, например, в Кыргызстане. Подобные настроения на местах и соответствующее поведение локальных элит могут разочаровывать китайских чиновников, но они предпочитают и дальше оказывать помощь ради сохранения видимости гармоничных отношений и ради продвижения своих интересов.

По мере того, как эти модели приобретают институциональный характер в Центральной Азии, в том числе и посредством проведения региональных саммитов, на которых благодарность и лояльность выражается в ритуализованных формах, вокруг Китая формируется своеобразный международный порядок. Он контрастирует со многими либеральными предпочтениями Запада в сфере внешней политики. В Центральной Азии Китай делает ставку на социальные связи, тогда как западный подход исходит в первую очередь из институциональных норм и принципов. Китайцы проявляют больше гибкости, приспособляясь к различным типам элит и формам политики.

Разумеется, такой подход также явно служит китайским интересам, что, в свою очередь, может порождать недовольство на местах. Характер формирования этих моделей взаимодействия между Китаем и Центральной Азией прояснит, как развиваются китайские стратегии по созданию альтернативы во всем мире и, прежде всего, на глобальном Юге.

Настоящее исследование начинается с экскурса в те времена, когда Центральная Азия была частью даннической системы, ориентированной на Китай. Во второй части показывается, что сегодняшнюю иностранную помощь можно рассматривать как современную форму поднесения подарков, и исследуются, какие формы межэлитных отношений она создает и поощряет.

В третьей части дается краткое описание особых черт китайской иностранной помощи, или иностранной помощи «с китайской спецификой».² Внимание здесь уделяется не структурам, условиям или уровню прозрачности пакетов помощи, а их политическим, социальным и культурным аспектам. Значение и символизм подарков, а также сопровождающая их риторика и церемонии играют важную роль они предопределяются давними культурными моделями и традициями государственного строительства.

В следующем разделе представлен обзор китайской помощи странам Центральной Азии и подробно описаны китайские подарки Кыргызстану и Таджикистану. Поскольку это самые бедные страны региона, они привлекают больше помощи из Китая и других доноров по сравнению с Казахстаном или Узбекистаном. Хотя Китай намного мощнее всех центральноазиатских стран, это неравенство особенно ярко проявляется в случае Кыргызстана и Таджикистана. Общей чертой этих двух стран являются их небольшие размеры, но, в то же время, у них очень разная политическая культура и социокультурная среда, что делает особенно интересным сравнение форм взаимодействия Пекина с их правящими элитами.

В последнем, обобщающем разделе дается сравнение нового китаецентричного порядка, основанного прежде всего на связях между элитами, с заточенным на институты и право либеральным международным порядком, во главе которого стоят США.

Китайская традиция дарений

В новостях нередко можно встретить сюжеты о «безвозмездной помощи» Китая (по-китайски ее называют усы фэнсянь, 无私奉献) правительствам, гражданам и городам Центральной Азии.³ Среди недавних примеров – открытие в августе 2022 года первой в Центральной Азии мастерской имени Лу Баня, которая пополнила растущую сеть профессионально-технических училищ в Душанбе, или данное в том же месяце обещание отправить в Кыргызстан полмиллиона

вакцин от коронавируса и китайских докторов, специализирующихся на удалении катаракты.⁴ Наряду с льготными кредитами, подобные подарки (включающие в себя гранты и техническую поддержку) представляют собой типичный набор китайской иностранной помощи. Этот аспект отношений Китая со странами Центральной Азии привлекает к себе большое внимание, как, впрочем, происходит с любыми действиями Пекина в регионе. И несмотря на то, что во все большем количестве работ рассматриваются цели и специфика иностранной помощи как инструмента мягкой силы Китая, в настоящей работе его помощь Центральной Азии рассматривается как взаимное поднесение подарков между элитами, связь между которыми постоянно укрепляется.⁵

В китайской иностранной помощи есть отношенческий аспект, который отражает процесс изучения Китаем того, как действуют элиты стран Центральной Азии. Французский антрополог Марсель Мосс считал, что «подарки» служат цели инициации или поддержания социальных отношений.⁶ Однако, в отличие от иных форм поднесения подарков, иностранная помощь не предполагает взаимности, или, если точнее, равного взаимного обмена. Скорее даритель может возлагать на эти подарки определенные ожидания – например, что получатель проявит благодарность или лояльность в виде поддержки дарителя в международных организациях или же формально признает его статус великой державы. В свою очередь, получатель может использовать подарок в собственных целях, руководствуясь собственными ожиданиями. Поэтому для обеих сторон дарение в виде иностранной помощи представляет собой социальное взаимодействие и процесс обучения, а не просто обмен конкретными вещами вроде грантов или программ обучения. Настоящая работа – не первая, где выдвигается такой довод. Так, политологи Дэниел Марковиц, Остин Стрейндж и Дастин Тингли применили концепцию иностранной помощи для изучения китайской практики поднесения подарков в прошлом.⁷

Поскольку фокус настоящего доклада сосредоточен на дарении, здесь не будут подробно рассмотрены льготные займы, направленные на получение экономической выгоды, а не на постепенное, кропотливое выстраивание социальных связей. Кроме того, далеко не все китайские дары странам Центральной Азии подпадают под определение официальной иностранной помощи. Одними из первых подарков, которые запомнились жителям Кыргызстана и Таджикистана, опрошенным в рамках данного исследования, стали «автобусы дружбы», подаренные в 90-х годах городом Урумчи.⁸ Китайские города-побратимы отправляли гуманитарную помощь в период пандемии коронавируса. Кроме того, есть множество примеров китайских компаний, которые строят школы и осуществляют иные общественные проекты в Центральной Азии. Однако, поскольку настоящая работа посвящена связям между правящими элитами, в ней в первую очередь речь пойдет об официальной помощи. Для выстраивания отношений между Китаем и Центральной Азией важны и другие виды подарков, но у них своя динамика, выходящая за рамки этого доклада.

В целом, для Центральной Азии практика подношения подарков, ориентированная на Китай, не является чем-то новым. Напротив, она укоренена в исторических моделях, которые прослеживаются в истории династий китайских императоров и показывают, как Поднебесная выстраивала определенный иерархический политический и культурный порядок на своей географической периферии. Дарение и обмен подарками играли важную роль в регулировании отношений императорского двора с периферийными народами, формируя так называемую «данническую систему». В прошлом центральноазиатские государственные образования и племена были вовлечены в данническую систему, ориентированную на Китай – нередко она представляется как носящая односторонний характер. При династии Цин, правившей с 1644 по 1911 год, отношения с властителями Центральной Азии (и других земель, расположенных в глубине Азиатского континента) находились в ведении ведомства по делам зависимых территорий.⁹ Несмотря на то, что с тех пор форма дарений изменилась, можно найти интересные параллели между моделями прошлого и настоящего.¹⁰

Как отмечал покойный гарвардский историк Джон К. Фэрбэнк, «в прошлом некитайские правители участвовали в китайском миропорядке, соблюдая во взаимодействии с [императором, или] Сыном Неба соответствующие формы и церемонии (ли, 禮)». ¹¹ Они сами или их посланники должны были посещать императорский двор и выплачивать символическую дань местными продуктами, но взамен они получали нечто такое, что помогало им укрепить свою власть и удовлетворяло их желания и потребности. Стоит отметить, что они получали подарки от императора. При династии Цин к числу ключевых подарков из Центральной Азии относились лошади и продукты скотоводства. На знаменитой работе иезуитского художника Джузеппе Кастильоне изображен казахский проситель, который преподносит лошадей в качестве дани императору Цяньлуну. Взамен эта и подобные делегации получали от Пекина подарки и поддержку, которые могли использоваться для укрепления своих позиций на местах.¹²

Как писал Фэрбэнк, этот будто бы совершенный, ниспосланный свыше иерархический порядок на местах выглядел более запутанно, потому «китайский миропорядок был единой концепцией только с китайской стороны и только на нормативном уровне, как идеальный образец». ¹³ Так, хотя императоры династии Мин, находившейся у власти в Китае с 1368 по 1644 год, обращались к правившим в Центральной Азии Тимуридам как к вассалам, те считали их равными себе. Историк Джозеф Флетчер так описывал их взаимоотношения: «минский император мог по своему желанию отказаться от своего мандата, пока дела велись на расстоянии и в Китае сохранялась необходимая видимость». ¹⁴ Цинский двор также поддерживал квази-равные отношения с Кокандским ханством, но формально считал его вассальным государством. И что бы ни говорила Цинская династия, на самом деле ханство получало значительные концессии: например, кокандские купцы могли вести беспошлинную торговлю в Синьцзяне, а эмиссары хана, судя по всему, даже взимали там от его лица сборы с торговых постов.¹⁵

Якобы идеальный китайский порядок подрывался также нестабильностью и соперничеством вовлеченных в него сторон. Казахские ханы отправляли своих представителей и оказывали знаки почтения «как Российской империи на западе, так и Цинской династии на востоке, создавая на подвластных им землях сложную трехстороннюю систему отношений и конкурирующие юрисдикции».¹⁶ Кыргызские вожди платили цинским властям дань и даже помогали им подавлять восстания на местах, однако последующее ослабление Китая привело к восстанию кыргызских племен. Как пишет Никола ди Космо, для кочевников Центральной Азии принятие даннических отношений «обеспечивало культурное выживание и относительную независимость в трудных условиях», которые «были обусловлены историческими обстоятельствами».¹⁷

Если центральноазиатов к вступлению в такие отношения подталкивало стремление найти защиту, укрепить собственную легитимность в рамках своих политических систем и получить экономическую выгоду, для китайской стороны речь шла прежде всего об организации политического пространства и формы империи, тогда как безопасность, а экономические интересы играли для него второстепенную роль.¹⁸

Разумеется, на сегодняшний день данническая система осталась в далеком прошлом. «Установленного небом порядка» уже не существует, из Пекина, где теперь правит коммунистическая партия, не рассылают писем с требованиями о подчинения, а между элитами Китая и стран Центральной Азии не проводятся высоко ритуализованные церемонии обмена подарками. Тем не менее, определенные модели можно выявить. Как и в прошлом, помощь как современный аналог поднесения подарков – важный инструмент построения политических отношений и управления ими. Такой инструмент отражает взаимное признание статуса и позволяет Пекину говорить о великодушии своих мотивов и действий. Сегодня сцена проведения ритуалов переместилась из императорских и ханских дворов на площадки саммитов и международных форумов. Сами ритуалы стали менее строгими, хоть и не утратили значения для их участников. А подарки и церемонии дарения помогают смягчить отношения между иностранными государствами и китаецентричным порядком, выстраиваемым Пекином.

Иностранная помощь как дарение

Политолог Волкер Хайнц и его соавторы определили дарение как «щедрую передачу социально значимых предметов без какой-либо (юридической или закрепленной в договоре) гарантии взаимности» и охарактеризовали обмен подарками скорее не как «отсроченную оплату ранее полученных благ», а как выражение социальных связей.¹⁹ Трактовка иностранной помощи как дарения поднимает два вопроса. Если учесть ее однонаправленный характер (от дарителя к

получателю), ожидают ли обе стороны какой-либо (синхронной или асинхронной) взаимности? Какие социальные связи и политические отношения создает и поддерживает иностранная помощь в Центральной Азии и за ее пределами?

На первый взгляд, со стороны Китая предоставление помощи – это чистое дарение, проявление щедрости, которое, по словам Пекина, не требует ничего взамен; именно поэтому речь идет о помощи, а не о займах или льготном финансировании. Однако реальность, как правило, оказывается более сложной и не настолько альтруистичной. Говоря об американской иностранной помощи, существенно отличающейся от китайской, Ханс Моргентау выделил шесть ее категорий: гуманитарная, продовольственная, военная, взятки, помощь для обретения престижа и помощь, способствующая экономическому развитию. Все эти виды помощи, утверждал он, представляют собой инструменты внешней политики. Моргентау отмечал, что «хотя сама по себе гуманитарная помощь не носит политического характера, она может выполнять политическую функцию, когда осуществляется в политическом контексте». Он заметил с иронией, что большая часть того, что называют иностранной помощью, подпадает «под категорию взяток», которые одна страна дает другой.²⁰ Однако, продолжал он, в отличие от старомодных форм подкупа (то есть относительно простых сделок, от которых обе стороны знали, чего ожидать), теперь идеология иностранной помощи требует притворства, запутывает ожидания и создает почву для взаимного разочарования. Поскольку она служит целям политической целесообразности, она, разумеется, представляет собой не однонаправленное действие, а сделки, в рамках которых взаимность ожидается, но открыто не озвучивается.

В современной литературе политические цели иностранной помощи не рассматриваются в категориях взяток или сделок; скорее в ней видят инструмент проецирования силы (в том числе мягкой). В важном отчете исследовательского центра AidData в 2019 году составляющими финансовой дипломатии называются «гранты, кредиты, которые предоставляют на обычных и льготных условиях государственные учреждения, государственно-частные банки и принадлежащие государству коммерческие банки [и] инвестиционные фонды... [а также] техническая помощь и списание долгов».²¹ У Китая есть и другие инструменты вроде публичной дипломатии (культурные и информационные обмены) и различных форм межэлитной дипломатии. Их цель заключается в «оказании влияния на восприятие, предпочтения и действия граждан и лидеров другой страны, чтобы добиться расположения иностранной общественности и обеспечить продвижение национальных интересов». Тем не менее, отмечают авторы, «получение осязаемой выгоды от действий публичной дипломатии – процесс далеко не прямолинейный и не простой ни для Пекина, ни для любой другой державы»: этот тезис подтверждает наблюдение Моргентау.

Хотя результат предоставления помощи не гарантирован, ее значение вполне очевидно: через нее устанавливаются иерархические отношения между дарителем и получателем. Анализируя то, чем является иностранная помощь, а не то, как она оказывается, Томохиса Хаттори пишет, что «широкомасштабные политические цели, связанные с иностранной помощью, носят вторичный характер по сравнению с более базовой ролью утверждения социальных отношений, в рамках которых эти цели преследуются».²² Предоставляя помощь, такая великая держава, как Китай, проявляет щедрость и благосклонность к получателям – этот подход лишь усиливает представление Китая о собственном «величии». Страна, получающая помощь, признает социальный порядок и разницу в статусе относительно дарителя.

При этом КНР утверждает, что мир состоит из равных суверенных государств, и риторика китайской дипломатии и внешней политики делает упор на суверенном равенстве. Как следствие, любую иерархию в отношениях с менее развитыми странами Пекин пытается максимально замаскировать, чтобы не противоречить (полумифическому) принципу равенства государств в нынешней международной системе. В прошлых десятилетиях рассуждения о равенстве государств Пекину были необходимы, отчасти чтобы добиться равного статуса с более богатыми и некогда более могущественными странами, создавшими международный порядок после Второй мировой войны. Сегодня прямолинейность, с которой Моргентау рассуждал об иностранной помощи, неприемлема, но сам факт существования Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Парижского клуба свидетельствует о том, что именно доноры, а не реципиенты иностранной помощи более влиятельны в международной системе. Китай успешно маскирует свои цели, встраивая свою помощь в контекст совместного развития и сотрудничества по линии Юг-Юг. Тем не менее, как западная, так и китайская помощь характеризуются неравенством сил.

Иностранная помощь с «китайской спецификой»

В официальных документах Пекина подчеркивается «китайская специфика» оказываемой им иностранной помощи.²³ В последней белой книге, выпущенной в 2021 году под названием «Содействие Китая международному развитию в новую эпоху», дается описание «культурных и философских истоков» подхода, который зиждется на «идеале универсальной гармонии китайского народа» и его «интернационалистской традиции».²⁴ Согласно этому документу, Китаю свойственно «платить добром за добро», ведь он всегда помнит о любой помощи со стороны других стран и готов подарить «целый источник воды за каплю, полученную в минуту нужды». Далее в докладе утверждается, что сегодня, когда «от нищеты и отсталости китайский народ продвинулся вперед, к мощи и процветанию», он хочет помогать «другим развивающимся странам в их стремлении удовлетворить надежды народов на лучшую жизнь». Обладая «чувством

ответственности, присущим великой стране», Китай считает своей «обязанностью активно участвовать в содействии международному развитию» и видит свою миссию в том, чтобы «расширить свой вклад в развитие человечества».

Хотя ценности взаимности и уверенность в собственной доброте, чувстве долга и великодушии свойственны не только китайской культуре, акцент на том, что оказание иностранной помощи заложено в предполагаемом национальном характере и традициях, довольно специфичен. Китай – это великая цивилизация с древней историей, у него свои методы ведения политики, в том числе внешней; правящая компартия определяет их как «социалистическую дипломатию с китайскими особенностями».²⁵ Пекин настроен на выработку особого нарратива и практик оказания иностранной помощи.

Одна из отличительных черт китайского подхода заключается в том, что Пекин представляет иностранную помощь как форму сотрудничества по линии Юг-Юг: тем самым он настаивает, что сохраняет близость к глобальному Югу и что его подход «существенно отличается от сотрудничества между Севером и Югом».²⁶ Вновь и вновь подчеркивается, что его отношения с другими странами строятся на основе равенства.²⁷ Как указывается в докладе 2021 года, Китай «уважает мнения иных развивающихся стран» и «не запускает проекты, не соответствующие уровню развития и потребностям своих партнеров». Он придерживается принципа, согласно которому «проекты должны предлагаться, согласовываться и осуществляться странами-реципиентами».²⁸

Тем не менее эта риторика о равенстве плохо вяжется с заявлениями о том, что Китай – большая страна, у которой есть свои обязательства и миссия, и что он должен проявлять великодушие по отношению к меньшим государствам. Дело здесь скорее не в равенстве статуса, а в совместном участии в клубе суверенных государств и в праве на невмешательство во внутренние дела. Таким образом, риторика о равенстве и тщательно срежиссированные церемонии выражения уважения к меньшим государствам и их лидерам нацелены на то, чтобы частично смягчить реалии иерархического порядка, в рамках которого Китай выступает великой державой и донором.

Избегая соглашений доноров, заключаемых под эгидой ОЭСР, Пекин предпочитает использовать для запуска своих программ помощи возглавляемые им многосторонние форумы, в которых участвуют развивающиеся страны. Как пишет Патриша Ким, к их числу относятся Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) для Центральной Азии, Форум сотрудничества Китай-Африка (ФОКАК) и ряд других.²⁹ Саммиты ООН также служат подходящей площадкой для объявления о новых масштабных инициативах в сфере иностранной помощи.³⁰ Помпезность обстановки на таких встречах высокого уровня создает надлежащую обстановку для озвучивания предложений помощи.

Для выработки официальной программы поддержки развитию Китай не учитывал выработанные ОЭСР критерии, и заявляет, что его иностранная помощь «носит более широкий характер в том, что касается целей и форм финансирования развития».³¹ С 2013 по 2018 год почти половина (47,3%) средств, которые Китай, по его утверждениям, выделил на иностранную помощь, была распределена в виде грантов для поддержки малых и средних проектов в сфере социальной защиты, технического сотрудничества и экстренной гуманитарной помощи. Другая половина (48,5%) была направлена на финансирование льготных займов, призванных «помочь развивающимся странам осуществлять средние и крупные промышленные и инфраструктурные проекты». Оставшиеся 4,2% пошли на беспроцентные займы, за счет которых должно было финансироваться «строительство общественных объектов и осуществление других проектов, направленных на улучшение жизни местного населения».³²

Не будучи скованным принципами традиционных доноров и строгими критериями или инструкциями оказания помощи, Пекин может позволить себе больше свободы в выборе подходов, которые отражают его интерпретацию местных условий, равно как и больше свободы в выстраивании связей с правящими элитами. В 2015 году в Пекине был создан Фонд содействия сотрудничеству Юг-Юг, на который была возложена задача выработки новых, более эффективных подходов к иностранной помощи. Так КНР экспериментировала с формой проектов «под ключ». Во многих странах Китай также запустил пилотные проекты с «тендерными процессами и [приобрел] опыт в организации и реализации подобных проектов. В рамках этой модели Китай предоставлял как средства, так и техническую поддержку для осуществления этих проектов, а страны-получатели должны были готовить площадки и заниматься проектированием, строительством и управлением технологическими процессами».³³

Одна из отличительных черт китайской помощи развивающимся странам – строительство в качестве дара зданий статусных государственных учреждений вроде парламента или штаб-квартир международных организаций. Например, Китай построил штаб-квартиру Африканского союза в Аддис-Абебе, потратив на это \$200 млн.³⁴ Он также выделил \$31,6 млн на строительство новой штаб-квартиры Экономического сообщества стран Западной Африки в нигерийской Абудже. Также Пекин возвел здания парламента в семи африканских странах – Габоне, Гвинее-Биссау, Зимбабве, Малави, Республике Конго и Сьерра-Леоне. Из стран Центральной Азии наибольшую выгоду в этом плане получил Таджикистан. Благодаря китайской помощи центры власти этих развивающихся стран располагаются в импозантных, современных зданиях, что благотворно сказывается на их имидже.

Эксперты также отмечают, что значимой частью китайской иностранной помощи являются различные программы обучения. Впервые Пекин запустил их в 1953 году для стажеров из ряда дружественных стран и затем постепенно расширял масштабы программ. «К концу 2009 году

Китай провел для развивающихся стран более четырех тысяч обучающих программ разного вида, через которые прошли 120 тысяч человек из числа стажеров, управленческого и технического персонала и чиновников. Эти стажеры специализировались более чем в двадцати областях, в том числе в экономике, дипломатии, сельском хозяйстве, здравоохранении и защите окружающей среды». ³⁵

Цель таких программ – не только обмен знаниями, но и – что крайне важно – развитие личных отношений (гуаньси, 关系). Политолог Лена Бенабдалла исследовала такую систему выстраивания связей, в которой обучение и визиты представляют собой инструменты китайской дипломатии в странах Африки в военной (в том числе обучение в сфере безопасности), публичной (в том числе подготовка журналистов) и культурной (через институты Конфуция – образовательные центры, финансируемые китайскими властями) областях. Она подчеркивает важность выстраивания связей и формирования симпатий между людьми (рэньцин, 人情) при проведении этих обучающих семинаров. ³⁶

Бенабдалла опирается на антропологические исследования гуаньси в китайской культуре, прежде всего на работы культурного антрополога Мэйфэйр Мей-хуэй Янг, автора книги «Подарки, одолжения и банкеты: об искусстве социальных отношений в Китае», в которой речь идет о значении таких подарков и пышных церемоний в развитии личных отношений и формировании обязательств и чувства признательности. ³⁷ Такие культурные модели межличностного взаимодействия лежат в основе китайского подхода к отношениям с другими странами. Кроме того, они указывают на то, как местные элиты могут использовать эти социальные связи, чтобы подтолкнуть китайских коллег к удовлетворению своих целей и потребностей.

Китайская помощь Центральной Азии

Китайская иностранная помощь носит глобальный характер, но первостепенное внимание Пекин уделяет своим азиатским соседям и африканским странам. С 2013 по 2018 год на Азию пришлось почти 37% от общего объема китайской иностранной помощи, а на Африку – около 45%. ³⁸ Для Китая Центральная Азия представляет собой ближнее зарубежье, а три из пяти государств региона – Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан – являются сооснователями ШОС. Все пять стран охотно участвуют в инициативе «Пояса и пути», флагманского проекта Китая по развитию инфраструктуры и строительству. Неудивительно, что они – одни из основных получателей китайской помощи.

Китай начал ее оказывать в начале 90-х годов XX века, вскоре после установления дипломатических отношений между руководимой компартией КНР и новыми центральноазиатскими государствами, обретшими независимость после развала СССР. Пекин

предоставил кредиты на закупку китайских товаров и оборудования, в которых Центральная Азия отчаянно нуждалась в условиях краха советской экономической системы и разрыва налаженных цепочек поставок. Китайские власти также оказали «безвозмездную помощь» в виде подарков от народа Китая жителям стран Центральной Азии.

Выстраивание добрососедских отношений было крайне важным для Пекина ввиду его обеспокоенности вопросами безопасности в расположенном на западе страны Синьцзяне. Распад Советского Союза положил конец длительной конкуренции между Москвой и Пекином за умы и сердца уйгуров, составлявших в Синьцзяне большинство. Угроза советского вмешательства и информационная обработка уйгуров ушли в прошлое, что сделало возможным экономическое взаимодействие через некогда чувствительную международную границу. Тем не менее, с точки зрения Пекина, появление независимых государств с близкими уйгурам в этническом, языковом и религиозном плане обществами создавало новый комплекс проблем вроде возможного поощрения политических активистов Синьцзяна, для которых центральноазиатские страны могли служить базами поддержки.

Для развития добрососедских отношений и сдерживания уйгурских активистов Китай приступил к поиску решений пограничных вопросов с тремя новыми центральноазиатскими странами – Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Пекину предстояло решить территориальные споры, которые восходили к XIX веку, когда демаркацию в регионе провели Российская и Цинская империи, а в 1969 году вылились в вооруженные столкновения между СССР и КНР.

Четыре страны успешно разрешили доставшиеся им споры, что уменьшило взаимные страхи и улучшило отношения между Китаем и странами Центральной Азии и придало этим отношениям стабильный характер. Пекин беспокоился по поводу уйгурского активизма, но правящие центральноазиатские элиты полностью поддерживали его борьбу с тем, что КПК определяет как «этнический сепаратизм, религиозный экстремизм и терроризм». Эти вопросы легли в основу повестки Шанхайской пятерки, в состав которой вошли Казахстан, Кыргызстан, Китай, Россия и Таджикистан.³⁹ Когда в 2001 году к группе присоединился не граничащий с Китаем Узбекистан, она переименовалась в Шанхайскую организацию сотрудничества, которая существует и по сей день и значительно расширилась с вступлением в нее на правах членов Индии и Пакистана, а также целого ряда наблюдателей и партнеров по диалогу. Китай, свою очередь, поддерживал эти страны и уважительно относился к их независимости.

На первых встречах ШОС сложился своего рода ритуал. Сначала глава одной из стран Центральной Азии встречался со своим китайским визави и выступал с заявлением о крепкой дружбе с Пекином, в котором подтверждал незыблемость политики «одного Китая» (часто это оформлялось в виде принятия сформулированного Пекином принципа «одного Китая»). А под конец заверял, что обе страны привержены борьбе с экстремизмом и терроризмом, и благодарил Китай за помощь.⁴⁰

В 2000-е годы, в рамках регионального сотрудничества стран ШОС в области безопасности, Пекин стал регулярно делать подарки органам безопасности и правопорядка стран Центральной Азии. Это могло быть оборудование, транспортные средства, обучающие программы, больницы и жилье для офицеров. Такая помощь создавала крепкие двусторонние связи между вооруженными силами, пограничными войсками и полицией стран Центральной Азии и их китайскими коллегами – Народно-освободительной армией, Народной вооруженной полицией и полицейскими силами Министерства общественной безопасности Китая.

Подобно ФОКАК в Африке, ШОС стала платформой, на которой объявлялось о больших, впечатляющих пакетах помощи и инициативах, то есть о жестах, которые, по мнению Пекина, подобает делать великой державе. На саммите ШОС 2004 года в Ташкенте тогдашний председатель КНР Ху Цзиньтао пообещал выделить льготную кредитную линию на \$900 млн странам-членам ШОС с целью содействия их социально-экономическому развитию.⁴¹ На саммите ШОС 2009 года в Екатеринбурге Ху Цзиньтао объявил о предоставлении странам Центральной Азии кредитной линии в размере \$10 млрд для борьбы с последствиями экономического спада, вызванного мировым финансовым кризисом.⁴²

Саммиты, которые проводятся поочередно в столицах стран ШОС, создали хорошую почву для укрепления двусторонних отношений. Так, Ташкентский саммит 2004 года сыграл важную роль в укреплении взаимной поддержки между лидерами Китая и Узбекистана. Визит Ху Цзиньтао был тем более ценен для узбекских властей, что в тот момент они сталкивались со сложностями в отношениях с западными институтами. Например, накануне 2004 года Европейский банк реконструкции и развития резко сократил помощь Узбекистану, а МВФ требовал от него осуществления структурных экономических и институциональных реформ, которые тогдашний президент Ислам Каримов и правящие узбекские элиты проводить не хотели.

В ходе визита Ху Цзиньтао в 2004 году Узбекистан и Китай подписали десять документов, в том числе соглашение о «безвозмездной помощи» в размере \$2,4 млн и о льготной китайской кредитной линии в \$36,5 млн на двадцать лет.⁴³ Ху Цзиньтао также стал первым иностранным лидером, выступившим перед узбекским парламентом, который был специально созван на заседание во время летних каникул. Китайская сторона также с удовлетворением отметила, что узбекский спецназ, обеспечивавший безопасность во время церемонии возложения венков на ташкентской Площади Памяти и Почестей, был вооружен китайскими снайперскими винтовками, поставленными ранее в рамках пакета помощи узбекской полиции.

Пекин продолжает использовать ритуализованные встречи с центральноазиатскими элитами как поводы для объявления о новых подарках и инициативах. Так, об инициативе «Пояса и пути» председатель КНР Си Цзиньпин заявил в Астане в ходе своего турне по Центральной Азии в

сентябре 2013 года. В речи, посвященной «Экономическому поясу Шелкового пути», Си упомянул о ШОС, Евразийском экономическом союзе и тесном сотрудничестве между Китаем и Россией, но при этом ясно дал понять, что новую инициативу продвигает именно Пекин с целью поставить себя в центр новой, формирующейся Евразии.⁴⁴ Десятилетиями используя подарки, одолжения и ритуалы, Пекин создал прочную основу для отношений с государствами Центральной Азии и их правящими элитами, а также научился хорошо понимать их политическую повестку. В результате китайские власти уже не чувствовали необходимости согласовывать свои действия в регионе с Москвой.

В важной речи, произнесенной в Астане в 2013 году, Си Цзиньпин подробно остановился на темах дарения и доброжелательности. «Дружба» и «совместное развитие и процветание» стали главными мотивами его выступления, в котором слова «друзья», «дружественный» и «дружба» прозвучали около 25 раз.⁴⁵ Си говорил о «необходимости передавать дружбу из поколения в поколение и всегда оставаться добрыми соседями, живущими в гармонии», о «необходимости расширять региональное сотрудничество на основе более открытых подходов и вместе покорять новые высоты» и о «необходимости укреплять взаимопонимание между народами».

В речи была изложена общая идея, но не хватало деталей. Единственное конкретное, хотя и впечатляющее, обещание касалось сферы образования. Си заявил, что в ближайшее десятилетие Китай предоставит 30 тысяч стипендий странам-членам ШОС и примет у себя 10 тысяч преподавателей и студентов из институтов Конфуция для подготовки к программам обучения за рубежом.⁴⁶ Кроме того, в четырех посещенных им центральноазиатских столицах Си Цзиньпин подписал многомиллиардные соглашения о предоставлении инвестиций и льготных займов.

В 2020 году Пекин предложил новую, более эксклюзивную платформу для взаимодействия – «Китай плюс Центральная Азия». На первой встрече между министрами иностранных дел Китая и пяти стран Центральной Азии, инициатором которой выступил Пекин, первоочередное внимание было уделено сотрудничеству в борьбе с пандемией коронавируса и ее экономическими последствиями. Китайские власти выразили готовность поддержать усилия центральноазиатских партнеров по наращиванию производительности сельского хозяйства и экспорта органической продукции в Китай.

Совместное заявление, принятое министрами иностранных дел на встрече, примечательно тем, что представители стран Центральной Азии просто приняли китайские дипломатические обороты и ритуализированные формулировки. В нем говорится о «новом типе межгосударственных отношений, характеризующимся взаимным уважением, равноправным сотрудничеством и взаимной выгодой» – типичный для китайской риторики оборот. Стороны, заявлялось в документе, «намерены и впредь наращивать сотрудничество в рамках ООН и

других международных институтов и финансовых структур, совместно противостоять глобальным и региональным вызовам, твердо придерживаться многостороннего подхода, не допускать вмешательства во внутренние дела других стран, защищать международное правосудие, способствовать выстраиванию такого миропорядка и системы глобального управления, которые будут способствовать достижению целей справедливого и рационального развития».⁴⁷

О последнем на сегодня пакете помощи, включавшем в себя дополнительные подарки и льготы, Си Цзиньпин заявил на виртуальном саммите, прошедшем в конце января 2022 года по случаю тридцатилетия установления двухсторонних отношений между Китаем и странами Центральной Азии. В выступлении под названием «Объединяя усилия для общего будущего» председатель КНР пообещал предоставить еще 50 млн доз китайских вакцин от COVID-19, 1200 правительственных стипендий, грант на \$500 млн для поддержки программ обеспечения продовольствием и 5000 мест на семинарах и тренингах, чтобы помочь странам Центральной Азии подготовить специалистов в области здравоохранения, уменьшить бедность для развития в сельском хозяйстве и других сферах вроде связи и информационных технологий, а также укрепить силы для самостоятельного развития». Си также предложил провести двусторонний саммит, посвященный дружбе между народами, и довести в течение следующего десятилетия число городов-побратимов между Китаем и Центральной Азии до 100 пар.⁴⁸

Улица с двусторонним движением

Но все эти подарки вовсе не такие бескорыстные, какими их пытается представить Пекин. КНР обычно ожидает скрытой, а иногда и очевидной отдачи от своих вложений, которая не в последнюю очередь должна проявляться в поддержке китайских интересов и подходов со стороны правящих элит Центральной Азии. Однако лидеры стран региона не глупы. Китайские власти не сбрасывают подарки в политико-социальную пустоту, а сцепляют их с целями и задачами местных правящих элит, каждая из которых находится в уникальных политических обстоятельствах и условиях.

Лучше всего приспособляемость Китая видна при сравнении его политики помощи в двух странах с заметно отличающимися политическими системами. Первый пример – это Кыргызстан, где влияние Пекина неуклонно росло, несмотря на частую смену правительств, порой в революционных обстоятельствах. Второй – Таджикистан, где десятилетиями сохраняется стабильный политический статус-кво, сложившийся вокруг одного человека (президента Эмомали Рахмона) и его семьи, соратников, земляков и расширенного круга правящих элит.

Пример Кыргызстана

Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китаем и Кыргызстаном было подписано в январе 1992 года: это короткий документ, который отражает предпочтения Китая относительно формулировок и ориентированную на Китай повестку дня. В нем заявляется, что обе страны договорились развивать «дружбу и сотрудничество на основе принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства, взаимной выгоды и мирного сосуществования». Это так называемые «пять принципов мирного сосуществования», на которых зиждется риторика китайской внешней политики.⁴⁹ Кыргызская сторона признавала возглавляемое коммунистами правительство КНР единственно законным, а Тайвань – неотъемлемой частью Китая; такая позиция соответствовала принципу «одного Китая». Бишкек также пообещал не устанавливать каких-либо официальных отношений с Тайванем.⁵⁰

В 1996 году стороны подписали совместную декларацию, которая вывела обязательства Кыргызстана на новый уровень. В документе заявляется, что стороны будут воздерживаться от участия в каких-либо военно-политических союзах или от заключения с третьими странами каких-либо договоров или соглашений, направленных против второй стороны. Кыргызстан также обязался взаимно не допускать использования своей территории для осуществления действий, посягающих на государственный суверенитет, безопасность и общественный порядок партнера. В декларации подчеркивается, что Китай и Кыргызстан выступают против сепаратизма в любой форме и не позволят никаким организациям и силам вести на своей территории сепаратистскую деятельность, направленную против другой стороны.⁵¹ Такие формулировки явно отражали обеспокоенность Пекина действиями уйгурских активистов.

В обмен на отказ от официальных отношений с Тайванем и от поддержки уйгуров и других мусульманских меньшинств в Синьцзяне Кыргызстан получил гарантии собственной безопасности и обещания сотрудничества во всех сферах: безопасности, экономики, науки и технологий, культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и многих других. Однако в 90-е годы Китай предоставлял Кыргызстану меньшую помощь по сравнению с другими крупными игроками. В своих мемуарах первый президент Кыргызстана Аскар Акаев дает обзор отношений с крупнейшими державами; он отмечает помощь от США, стран Европы и Японии, но хотя он и высказывается весьма комплиментарно по отношению к Пекину, о его помощи он даже не упоминает.⁵²

Мемуары Акаева – отражение уважения кыргызов к Китаю, его успехам и признание Бишкеком его растущего международного статуса. Акаев описывал Китай как «бурно развивающееся современное государство с тысячелетней историей, излучающее подобно мощнейшему источнику

света многовековую мудрость». Он также привел интересные факты, касающиеся его личных отношений с тогдашним председателем КНР и генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэмином. Оба лидера цитировали китайских поэтов и философов, танцевали вальс (чтобы показать близость западным традициям) и пели русские песни (чтобы продемонстрировать общие региональные культурные связи, сложившиеся в период советско-китайской дружбы).⁵³

Акаев подчеркивал, что китайские лидеры обращались с ним уважительно. Встречи с высокопоставленными китайскими должностными лицами по частоте уступали только встречам, которые он проводил с президентами и премьер-министрами России. Акаев искусно устанавливал и поддерживал теплые личные отношения с иностранными официальными лицами, но и последующие кыргызские руководители также находили способы пользоваться благосклонностью Пекина и регулярно проводить встречи.

С созданием ШОС в 2001 году Китай начал оказывать Бишкеку регулярную помощь в военной сфере и в области безопасности. В 2002 году китайское министерство обороны передало кыргызским коллегам строительные материалы, офисное оборудование и мебель на сумму 8 млн юаней (почти \$1 млн),⁵⁴ Примечательно, что передача состоялась через полгода после кровавых событий в Аксы, когда полиция применила силу против мирных демонстрантов, протестовавших против ареста их соотечественника, политика Азимбека Бекназарова и против передачи Китаю земли в результате соглашения о демаркации границы 1999 года. Несмотря на последующие политические кризисы и смену правительства, передача Китаем транспортных средств, средств связи и иного оборудования кыргызской армии и полиции стала основой двустороннего сотрудничества. На протяжении многих лет китайские ведомства также проводили тренинги для тысяч кыргызских офицеров.⁵⁵

Механизм сотрудничества в рамках ШОС дал кыргызской стороне удобный повод запросить помощь в области безопасности, а Китаю – предоставить ее. Правительство Акаева смогло закупить необходимые предметы для военных и полиции, а Пекин заработал очки, представ в образе большого дружественного соседа и партнера по ШОС, который помогает Кыргызстану обеспечить свою безопасность.

Постоянная готовность Китая помогать и акцент на развитии личных связей в различных сферах можно рассматривать как способ сглаживания значительной неопределенности кыргызской политики. Тюльпановая революция и свержение Акаева в 2005 году могли испортить двусторонние отношения. Китай расценивал «цветные революции» на постсоветском пространстве как «заразные и незаконные политические изменения».⁵⁶ Тем не менее, Китай быстро приспособился к изменившимся реалиям и наладил контакт с новыми властями, хотя, на самом деле, оказавшиеся у власти новые люди были не такими уж новыми. До событий в Аксы

свежеиспеченный президент Курманбек Бакиев был премьер-министром. Другие лидеры Тюльпановой революции занимали высокие должности при Акаеве и поддерживали контакты с китайскими партнерами.⁵⁷

В декабре 2006 года Бакиев принял участие в церемонии, организованной с целью выразить признательность Китаю за 1205 подаренных тракторов. От имени кыргызов он поблагодарил китайский народ и отметил, что это был крупнейший проект международной помощи для сельского хозяйства Кыргызстана.⁵⁸ В отличие от Акаева, который культивировал имидж высокообразованного, утонченного человека, Бакиев предпочитал, чтобы в нем видели жесткого, энергичного управленца, человека «конкретных дел», направленных на улучшение жизни народа.⁵⁹

В 2007 году правительство Бакиева попросило Китай помочь в организации саммита ШОС в Бишкеке. В ответ Пекин выделил 35 млн юаней (\$5 млн) на строительство и отделку конгресс-холла и гостевых домов в государственной резиденции «Ала-Арча». В интервью местному СМИ сотрудник китайского посольства упомянул, что, помимо финансирования, Пекин оказал давление на китайскую компанию, чтобы та всё сделала качественно и в срок и тем самым позволила Бакиеву показать гостям саммита новый комплекс и «современный» облик Бишкека.⁶⁰

Высокопоставленные китайские чиновники, вовлеченные в проект, сделали все возможное, чтобы подчеркнуть приоритетность проекта и обеспечить его выполнение в срок. В частности, строительную площадку часто посещал китайский посол, а число рабочих и продолжительность рабочего дня были увеличены. Китайское правительство также поставило тридцать легковых автомобилей и машин для уборки улиц на общую сумму 24 млн юаней (\$3,5 млн).⁶¹

Все это было не просто проявлением доброжелательности Китая. В конце концов, подыгрывая Бакиеву, Пекин помог ему укрепить свои позиции после отстранения от власти своего бывшего союзника Акаева. Правление Бакиева запомнилось тем, что при нем коррупция и кумовство побило все рекорды. Он назначал членов своей семьи на самые прибыльные должности в стране; неудивительно, что некоторые из этих постов были тесно связаны с китайскими инвестициями и подарками. Грубо говоря, внутривластные потребности Бакиева хорошо сочетались с намерением Пекина приспособиться к новой правящей элите, сложившейся после смены власти в Бишкеке.

Бакиев назначил одного из своих братьев торговым представителем при кыргызском посольстве в Китае, а младшего сына Максима, которому он больше всего доверял, поставил во главе Центрального агентства по развитию, инновациям и инвестициям. Поначалу китайские партнеры такое положение дел не оценили, но довольно быстро к нему приспособились, из чего

стало ясно, что кыргызские политические элиты могут заставить китайских дарителей адаптироваться к местным реалиям. Например, когда Максим Бакиев возглавил кыргызскую делегацию, отправившуюся в Пекин на переговоры, китайская сторона, как сообщается, почувствовала себя оскорбленной «кумовским подходом, когда сына диктатора посылают вести переговоры по межгосударственным соглашениям».⁶² Это недовольство нашло отражение в том, что Китай на переговорах представляли чиновники более низкого ранга (не министры, а их заместители). Тем не менее, Китай не стал отказываться вести дела с Максимом: необходимость приспособливаться к меняющимся политическим реалиям на местах перевесила видимое недовольство кумовством и коррупцией.

Однако, если китайские должностные лица к стилю Бакиева приспособились, то общество Кыргызстана не стало его терпеть. В 2010 году кыргызстанцы, возмущенные коррупцией и кумовством, которые расцвели при Бакиеве, отстранили его от власти, а затем выгнали из страны так же, как пятью годами ранее прогнали Акаева.

Новый президент Алмазбек Атамбаев ранее был оппозиционером. За годы своего президентского срока (2011–2017) ему тоже удалось наладить хорошие связи с Китаем. В статье 2021 года (Атамбаев написал ее после своего свержения и заключения в тюрьму) он вспоминал о том, как в тяжелые времена Китай помог Кыргызстану – и ему самому. С 2013 по 2017 год Пекин предоставил соседу «безвозмездную помощь» почти на \$400 млн. Атамбаев упомянул, что достиг с Си Цзиньпином предварительной договоренности о создании фонда, аналогичного Российско-кыргызскому фонду развития, и добавил, что, исходя из оценки экономической мощи Китая, правительство Кыргызстана попросило его выделить в этот фонд не менее \$500 млн.⁶³

Столкнувшись с проблемой роста задолженности – отчасти он унаследовал ее от своих предшественников – Атамбаев сосредоточился на решении этого вопроса в отношениях с Пекином. В своих тюремных мемуарах он также красноречиво заметил, что Китай «просто списал многомиллионные долги Мозамбику, Йемену, Зимбабве и некоторым другим странам», и заявил, что Китай списал кыргызский долг по займу, выделенному на строительство бумажной фабрики в Токмаке. При этом он отметил, что такое одолжение «было лишь началом».⁶⁴ Действительно, в 2015 году китайское правительство согласилось списать большую часть накопившихся процентов (10,1 млн юаней или \$1,5 млн) и реструктурировало долг (60,2 млн – \$9,2 млн) и остающиеся проценты (4,1 млн юаней – \$630 тысяч).⁶⁵ Сообщается, что кыргызское правительство просило китайских партнеров преобразовать этот кредит в грант, но те сочли подобный запрос неприемлемым.⁶⁶ Вне зависимости от того, насколько точны замечания Атамбаева, они отражают процесс взаимного обучения, который прошли в своих отношениях центральноазиатские элиты и китайские дарители: подобно своим предшественникам, Атамбаев

научился не только ожидать, но и направлять щедроты Китая. Китай, со своей стороны, решил реструктурировать и частично простить долг, чтобы помочь своему «новому» кыргызскому союзнику.

Правление Атамбаева также было отмечено различными событиями в сфере безопасности, которые серьезно повлияли на отношения между Кыргызстаном и Китаем. США и другие члены НАТО готовились к выводу войск из Афганистана, который тогда был запланирован на 2014 год. В результате китайская помощь Кыргызстану в сфере безопасности увеличилась. Так, в 2013 году министерство обороны КНР предоставило Кыргызстану военные транспортные средства и средства связи на общую сумму \$17,5 млн, а годом позже Китай выделил еще \$6,5 млн на военную помощь, включавшую в себя средства на строительство домов для кыргызских офицеров.⁶⁷

В отличие от Атамбаева, его преемник Сооронбай Жээнбеков, занимавший пост президента с 2017 по 2020 год, начал отношения с Китаем крайне неудачно. В январе 2017 года на Бишкекской ТЭЦ произошла авария, оставившая жителей столицы без отопления в самые холодные дни года. Незадолго до этого китайская компания ТВЕА (ранее известная как Tebian Electric Apparatus) модернизировала ТЭЦ. Финансировались эти работы за счет средств из займа на сумму \$386 млн, который Экспортно-импортный банк Китая выделил в 2013 году, в период президентства Атамбаева. Авария вызвала широкий общественный резонанс, кыргызские власти начали громкое расследование и обвинили в коррупции бывшего премьер-министра Сапара Исакова. Были задержаны и менеджеры ТВЕА, но их вскоре отпустили. Кроме того, стали звучать требования провести проверку других китайских компаний, работающих в стране.⁶⁸

Скандал оставил горький осадок и у китайской, и у кыргызской стороны. Отчасти движимый циничными мотивами, Атамбаев писал, что «руководство Кыргызстана умудрилось за короткие сроки катастрофически испортить отношения с великим соседом. Ради того, чтобы дискредитировать и упрятать в тюрьму Сапара Исакова, было придумано дело по новой ТЭЦ Бишкека...». Атамбаев напомнил, как в апреле 2018 года, на встрече на острове Хайнань Си Цзиньпин спросил у него: «Что за антикитайская истерия началась при Вашем преемнике? Ведь мы помогаем Вам бескорыстно. Мы хотим, чтобы Ваша страна развивалась и процветала...».⁶⁹

Однако, поскольку Китай научился проявлять скорее не жесткость, а адаптивность, да и переход полномочий от Атамбаева к Жээнбекову был не первой сменой власти в Бишкеке, с которым Пекину приходилось иметь дело, китайское руководство продолжало помогать Кыргызстану даже несмотря на скандал. В июне 2018 года оно выделило грант на сумму \$70 млн, из которых \$55 млн пошли на реконструкцию дорог в Бишкеке, а оставшиеся \$15 млн были направлены на проведение работ по археологическим раскопкам, реставрации и сохранению руин Баласагуна, Кум-Добо и Мынакельди.⁷⁰

Как и его предшественники, Жээнбеков пытался использовать продолжавшуюся китайскую поддержку для достижения собственных политических целей. Он приложил все усилия для смягчения ущерба от скандала и не упускал возможности для поощрения сотрудничества с Китаем. После массовых антикитайских митингов, прошедших в центре Бишкека в январе 2019 года, он заявил, что те, кто хочет испортить двусторонние отношения и подорвать стабильность, будут наказаны в соответствии с законодательством и что кыргызы «должны быть благодарны китайской стороне за сотрудничество и оказываемую помощь».⁷¹

В ходе государственного визита Си Цзиньпина в Кыргызстан в июне 2019 года Жээнбеков поблагодарил Китай за поддержку проекта по очистке воды, который он мог использовать для повышения собственного политического авторитета. Он даже процитировал «старую китайскую поговорку» о том, что, «когда пьешь воду, нужно думать, откуда она берется», и пообещал, что Кыргызстан никогда не забудет эту ценную помощь. Он заявил, что Кыргызстан поддерживает политику Пекина в отношении национальных меньшинств – эта кодовая фраза означает принятие требования Китая поддерживать его в Синьцзяне – и наградил Си орденом «Манас» первой степени «за огромный вклад в укрепление сотрудничества и большую поддержку Кыргызстана».⁷²

Накануне саммита состоялось значимое китайско-кыргызское событие в области культуры. Китайский национальный оперный театр представил свою оригинальную оперную постановку «Манас» в Бишкеке. Тем самым Пекин использовал кыргызский национальный эпос как основу для восстановления и выстраивания отношений с режимом Жээнбекова, находившимся в непростом положении. Устный эпос «Манас», повествующий о войне, который объединил сорок кыргызских племен, и о его потомках, сражавшихся за независимость кыргызских земель, лежит в основе национальной идентичности страны. На флаге Кыргызстана изображены сорок лучей, которые символизируют эти сорок племен.⁷³ В стране немало статуй Манаса и улиц, названных в его честь. Главный аэропорт страны в Бишкеке тоже носит имя Манаса, кроме того, в столице расположен университет «Манас». Стремясь подчеркнуть ритуальную верность идее добрососедства, китайские должностные лица подчеркивали, что эпос представляет собой часть «общего» культурного наследия. Согласно информационному агентству «Синьхуа», «его веками пели в Кыргызстане, [среди этнических кыргызов] в Синьцзян-Уйгурском автономном округе Китая и [вдоль] частей древнего Шелкового пути».⁷⁴⁷⁵

В октябре 2020 года Жээнбеков повторил судьбу Бакиева и Акаева – его отстранили от власти в ходе протестов, вспыхнувших после выборов. Новый руководитель государства, Садыр Жапаров, попал на вершину власти прямо из тюрьмы, где он отбывал срок по обвинению в похищении губернатора области. В условиях возникшего хаоса по всей стране китайские предприятия стали мишенью для рэкетиров. Китайские должностные лица воздерживались от комментариев,

ограничиваясь лишь выражением обеспокоенности по поводу безопасности китайских граждан. Си Цзиньпин свое неудовольствие выразил тем, что не отправил Жапарову телеграмму с поздравлениями в связи с победой на выборах.⁷⁶

Новый президент мало чем мог понравиться Пекину, ведь до прихода к власти он в течение нескольких десятилетий занимал популистскую и националистическую нишу в кыргызской политике. Придя к власти, Жапаров нацелился на иностранные компании, хотя и воздерживался от нападков на китайские фирмы, работающие в стране. Сообщается, что его родственники и соратники поддерживают тесные связи с китайскими бизнесменами – это в очередной раз показывает, что сменяющие друг друга кыргызские политические элиты использовали свои связи с благосклонно настроенным к ним Китаем как источник власти внутри страны, прибылей и покровительства. В 2007 году брат нового президента, Сабыр Жапаров, продал китайским инвесторам имевшиеся у него акции одной угольной шахты.⁷⁷ Впоследствии, в полном соответствии с прежней моделью, отношения между Китаем и Кыргызстаном нормализовались, несмотря на очередную хаотичную смену власти.

На президентский срок Жапарова прихлась пандемия коронавируса, во время которой Кыргызстан стал одним из основных получателей китайской гуманитарной помощи в регионе, что помогло президенту создать имидж борца за укрепление системы здравоохранения. Китай отправлял одноразовые маски, респираторы и средства индивидуальной защиты для медицинских работников, а также поставлял дозы вакцины Sinopharm. На одной из церемоний передачи вакцины, состоявшейся в аэропорту «Манас» в марте 2021 года, присутствовали премьер-министр Кыргызстана, первые заместители министра иностранных дел и министра здравоохранения и социального развития. Китайский посол Ду Дэвэнь заявила, что «в контексте огромного внутреннего спроса на новую вакцину» китайская помощь показывает «глубокую дружбу китайского правительства и народа по отношению к правительству и народу Кыргызстана». В ответ тогдашний кыргызский премьер-министр Улукбек Марипов подчеркнул, что Китай, «преодолев свои трудности, стал одной из первых стран, предоставивших Кыргызстану вакцину», а затем отметил, что «китайская вакцина получила широкое признание в международном сообществе».⁷⁸

В дополнение к пожертвованиям на межправительственном уровне гуманитарную помощь кыргызским партнерам оказывали и различные китайские правительственные и неправительственные организации. Например, Ассоциация строительных и отделочных материалов провинции Гуандун передала городу Бишкеку медикаменты и медицинские принадлежности, а китайское министерство обороны отправила своим коллегам из вооруженных сил Кыргызстана маски KN95.^{79 80}

В таких случаях китайская иностранная помощь снова представлялась как дар от китайского народа кыргызскому; однако эта поддержка благоприятствовала определенным местностям и группам, приближенным к местным правящим кругам. В Кыргызстане это касалось столичного Бишкека и «южной столицы», города Ош. В кыргызской политике всегда был силен раскол по линии «север-юг», а политические элиты использовали свои региональные связи для удержания власти.⁸¹

Бишкек, например, получил китайские гранты на развитие дорожной системы. Первая фаза, завершившаяся в 2022 году, включала в себя реконструкцию 49 дорог, шести мостов и одного путепровода.⁸² У выбора Оша тоже есть экономическое обоснование, которое может принести выгоду любому правящему в Кыргызстане режиму, поскольку этот город представляет собой главные ворота в страну по коридору между Кашгаром в Синьцзяне и Ферганской долиной. Через Ош проходят два крупных китайских проекта в Центральной Азии в рамках инициативы «Пояса и пути» – Международная автомагистраль Китай-Кыргызстан-Узбекистан и Международная железная дорога Китай-Кыргызстан-Узбекистан. Неудивительно, что единственное за пределами столицы китайское консульство в Кыргызстане находится именно в этом городе (хотя в августе 2019 года его работа была временно приостановлена).⁸³

Одним из подарков Китая местным жителям стала одна из крупнейших больниц в Центральной Азии. Пекин предложил построить ее после трагических межэтнических столкновений между кыргызами и узбеками, произошедшими на юге Кыргызстана в 2010 году, выделил \$26 млн на реализацию проекта, предоставил оборудование и провел обучение кыргызских медицинских работников и технического персонала. В апреле 2019 года, за полтора года до отстранения от власти, Жээнбеков присутствовал в качестве президента на открытии больницы.⁸⁴

В мае 2018 года китайское правительство выделило \$390 тысяч на реконструкцию центральной площади Оша, а в ноябре 2016 года мэрия города получила от китайских дипломатов новую Toyota Land Cruiser 200 и карету скорой помощи.⁸⁵ Подаренный внедорожник вызвал в Оше некоторое удивление. Пресса писала, что за год до того мэр хотел, чтобы новый автомобиль купила ему мэрия, настаивая, что срок службы имевшейся машины истек, но был вынужден отказаться от покупки на фоне критики со стороны общественности, которая указывала, что предыдущий автомобиль был приобретен всего двумя годами ранее.⁸⁶

В целом, освещение китайских подарков в кыргызских СМИ отражает как официальный нарратив о благодарности, так и неформальные настроения общества, преисполненного скептицизма и подозрений. Общественность часто ставит под сомнение мотивы этих подарков и говорит о том, что «бесплатный сыр бывает только в мышеловке». СМИ предупреждают кыргызов, что следует «остерегаться дары приносящих», но кыргызские политики упорно

продолжают искать и получать подарки от Китая, потому что эти подарки помогают им достигать множества внутренних целей вроде обустройства своих гнезд, вознаграждения родственников и единомышленников, строительства собственной политической базы и создания имиджа борцов за прогресс, которые «могут обеспечивать блага». ⁸⁷

Пример Таджикистана

У Таджикистана история совсем иная. Если в Кыргызстане Китай раз за разом приспосабливается, используя подарки для выстраивания отношений со сменяющимися друг друга элитами и удовлетворения их нужд, то в Душанбе правящая клика не сменяется на протяжении целого поколения.

По сравнению с другими странами Центральной Азии, отношения Пекина с Душанбе развивались медленно из-за того, что в 1992 году в Таджикистане вспыхнула гражданская война. Однако уже в марте 1993 года Рахмон, незадолго до того избранный на пост председателя Верховного совета Таджикистана, посетил Пекин и подписал совместную декларацию об основных принципах взаимоотношений. В этом документе правительство КНР выразило поддержку усилиям таджикских властей по установлению мира и стабильности, а Таджикистан признал Тайвань неотъемлемой частью Китая и обещал не устанавливать официальных отношений с Тайбэем, приняв тем самым принцип «одного Китая». ⁸⁸

В первой половине 90-х годов главным вопросом двусторонних отношений были территориальные споры и демаркация границы. Лидеры Таджикистана принимали участие в этих переговорах, а в 1996 году подписали декларацию Шанхайской пятерки. После достижения соглашения и стабилизации политической ситуации в Таджикистане двустороннее сотрудничество стало развиваться намного быстрее.

В октябре 1997 года в Душанбе прибыли первые пятнадцать китайских пассажирских автобусов, а также специалисты, помогавшие их эксплуатировать. Год спустя Пекин выделил 54 млн юаней (\$6,5 млн) на покупку новых автобусов, на которых красовалась надпись «автобусы дружбы между Таджикистаном и Китаем» на китайском и таджикском языках – они стали узнаваемой чертой города. В ноябре правительства обеих стран подписали первое межгосударственное кредитное соглашение о реконструкции табачной фабрики в Душанбе. ⁸⁹

В июле 2000 года тогдашний председатель КНР Цзян Цзэминь отправился в Таджикистан с первым официальным визитом. Весьма показательно, что с 1993 года он провел двенадцать личных встреч с Рахмоном. Цзян Цзэминь заявил тогда, что Пекин передаст 20 млн юаней (\$2,4 млн) на восстановление экономики Таджикистана после гражданской войны. ⁹⁰ Тогда же

Таджикистан посетила военная делегация, возглавляемая командующим военным округом Ланьчжоу в северо-западном Китае, и предложила «подарок» в размере 5 млн юаней (\$600 тысяч). К 2004 году общий объем китайских грантов приблизился к \$20 млн.⁹¹

Как и в случае Кыргызстана, значительная часть китайской помощи предоставлялась в рамках многостороннего сотрудничества ШОС. Офицеры таджикской армии и пограничники отправлялись в Китай на обучение. Таджикистан получил льготные кредиты и гранты на строительство транспортной и энергетической инфраструктуры на сотни миллионов долларов. Пекин также передал 105 единиц транспортных средств, в том числе 80 автобусов, 5 мусоровозов и 20 представительских автомобилей для саммита ШОС, прошедшего в Душанбе в 2008 году.⁹²

Однако рамки ШОС оказались тесными для растущего сотрудничества между двумя режимами в области безопасности. Обе страны опасались, что им могут угрожать исламские боевики из Афганистана. Для решения совместных проблем Китай, Таджикистан, Пакистан и Афганистан создали в 2016 году Четырехсторонний механизм по сотрудничеству и координации. Так, в дополнение к ШОС, появилась еще одна платформа, через которую Китай мог поддерживать усилия Таджикистана по наращиванию антитеррористического потенциала, в том числе посредством совместной подготовки личного состава к борьбе с террором.

В том же году таджикская общественность узнала из СМИ, что китайские военизированные формирования, аффилированные с Народной вооруженной полицией, помогают охранять таджикско-афганскую границу в Ваханском коридоре – судя по всему, властям обеих стран удавалось сохранять эту новость в секрете, пока ее не сообщила западная пресса. Также сообщалось, что Китай планирует построить в Таджикистане десять новых погранзастав (позднее эта новость была удалена с сайта местного информационного агентства Asia Plus).⁹³ В октябре 2021 года таджикские официальные лица заявили, что Китай профинансирует строительство аванпоста для таджикского ОМОНа: министерство общественной безопасности намеревалось потратить на него \$9,4 млн, прежде чем передать его под контроль Таджикистана.⁹⁴

Вовлеченность Китая в обеспечение безопасности границ Таджикистана и особенно наличие китайского аванпоста на таджикской территории обозначили геополитический сдвиг в регионе, поскольку, несмотря на предположения о китайских планах по созданию такого объекта в Кыргызстане, Пекин ранее никогда не делал ничего подобного в Центральной Азии.⁹⁵ В Кыргызстане с его энергичными СМИ и активной общественностью подобное соглашение не удавалось бы удерживать в тайне так долго.

Однако главным отличием Таджикистана от соседнего Кыргызстана является его исключительно стабильный политический режим при президенте Рахмоне, который остается у власти на протяжении уже почти трех десятилетий. Если в Кыргызстане Китаю приходилось выстраивать

отношения со сменявшимися друг друга президентами, то в Таджикистане было все наоборот – это Рахмон постоянно работал над поддержанием хороших отношений с сменявшимися китайскими лидерами – Цзян Цзэминем, Ху Цзиньтао, а теперь и Си Цзиньпином. В 2019 году последний был награжден Орденом Зарринтоҷ («Золотая корона»), высшей наградой Таджикистана.⁹⁶

До гражданской войны Эмомали Рахмон был председателем колхоза в Кулябской области, одной из самых бедных территорий на юге страны. К власти его привели «кулябцы», которые сумели взять верх над другими региональными группами благодаря контактам в правоохранительных органах, связанных с криминальными группировками.⁹⁷ По завершении войны Рахмон воспользовался поступавшей в страну иностранной помощью для личного обогащения, вознаграждения соратников, укрепления имиджа национального лидера и благодетельствования Кулябской области, прежде всего своего родного села Дангара.

О помощи Китая в сфере экономики и безопасности, которая помогла Рахмону удержать страну на плаву, речь уже шла выше. Кроме того, Пекин подарил целый ряд статусных зданий, украсивших «средоточие власти» Рахмона, столицу страны Душанбе. Первым из них стал Дом офицеров таджикского министерства обороны.⁹⁸ Китай предложил около \$14 млн для строительства шестиэтажного здания (на месте Дома офицера, построенного советскими архитекторами в 30-е годы и затем снесенного). В июне 2012 года тогдашний министр обороны Таджикистана Шерали Хайруллоев и начальник Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая генерал Чэнь Биндэ заложили первый камень в его основание. Перед церемонией они обсудили вопросы дальнейшего сотрудничества, в том числе подготовку личного состава таджикской армии в Китае.⁹⁹ Дом офицеров, открытый несколько лет спустя, оказался весьма внушительных размеров, даже по сравнению со стоящим рядом зданием министерства обороны.

Китайское правительство также предложило своим партнерам из числа правящей таджикской элиты грант на \$215 млн на строительство новых зданий парламента и других правительственных учреждений. Соглашение было достигнуто в сентябре 2017 года, в ходе государственного визита Рахмона в Китай. В октябре 2018 года Рахмон и китайский премьер Ли Кэцян дали старт строительству здания парламента высотой 70 метров и пятнадцатизэтажного правительственного комплекса.¹⁰⁰

Эти новые китайские здания заменяют пусть и более старые, но более уютные советские. Правящая таджикская элита явно гордится теми изменениями, которые она смогла продемонстрировать благодаря китайской поддержке. Таджикской общественности эти строения представляют в качестве примера того, как успешно модернизируется страна под их руководством. Таковы новые символы таджикского суверенитета – при этом достигается символическая политическая цель, однако удастся это сделать только при финансовой поддержке Китая. Тем не менее от внимания таджикской общественности не ускользает тот нетривиальный

факт, что строительство правительственных зданий финансирует другая страна. В таджикских социальных сетях обычные граждане выражают свое недоумение, называют китайские гранты «подачками», беспокоятся относительно последствий таких сделок для национальной безопасности и даже высказывают подозрения, что эти «китайские» стены могут быть напичканы жучками.¹⁰¹

В свое время кыргызский президент Атамбаев тоже получил от китайского правительства предложение о строительстве правительственных зданий, но отказался и вместо этого попросил китайских партнеров выделить грант на реконструкцию бишкекских дорог, пытаясь добиться политического успеха за счет достижения осуществления определенного локального проекта.¹⁰² Если бы он согласился, то, учитывая совершенно иной политический контекст, сложившийся в Кыргызстане (где часто меняется режим), народ мог бы снова взбунтоваться. По крайней мере, широкий общественный резонанс был бы гарантирован. В этих двух случаях различные так называемые подарки от Китая отражают разные политические запросы местных лидеров, правящих элит и их партнеров и ограничения, с которыми им приходится сталкиваться.

Как и в Кыргызстане, в Таджикистане, помимо столицы Душанбе, есть еще один населенный пункт, который удостоился особого внимания Китая – это Дангара, малая родина президента страны. По сравнению с Ошской областью Кыргызстана, Дангара обладает меньше стратегической ценностью – ее значение определяется лишь тем, что там родился Рахмон. Китайское правительство выделило гранты и льготные кредиты на строительство дорог, школ и водохранилища в этой области с очевидной целью доставить удовольствие самому президенту.¹⁰³ Китайские компании ТВЕА и Power China также построили в Дангаре школы в рамках программы корпоративной социальной ответственности.¹⁰⁴

Еще одно сходство с Кыргызстаном заключается в том, что во время пандемии коронавируса Таджикистан стал крупным получателем китайских масок, средств индивидуальной защиты и вакцин. Кстати, предоставление этой гуманитарной помощи сопровождалось скандалом. В мае 2020 года городские власти Душанбе по ошибке разместили фотографию, на которой было видно, что пакеты помощи, подаренные Китаем, раздавались от имени компании, связанной с семьей президента – после сенсационной фотосессии эти пакеты были таинственным образом похищены.¹⁰⁵

Несмотря на явный дисбаланс сил и благосостояния между Китаем и Таджикистаном, китайские элиты заботятся о том, чтобы проявлять должное уважение к своим таджикским коллегам. Регулярно и с большой помпой проводятся встречи на высшем уровне. В отчете китайского МИДа о государственном визите Си Цзиньпина в Таджикистан и его встрече с Рахмоном в сентябре 2014 года для передачи пышности этого события используются очень выразительные,

даже мелодраматические обороты.¹⁰⁶ Расстеленный шелковый ковер, чайный прием во внутреннем дворе и специально подготовленная копия Большого базара с таджикскими деликатесами продемонстрировали местные способы государственного управления и мастерство устраивать церемонии. Стилистически выверенный рассказ служит показателем того, насколько совместимы, а то и едины подходы Китая и стран Центральной Азии к таким традиционным дипломатическим проявлениям. Описанная сцена также напоминает об исторических столкновениях властителей в рамках традиционной даннической системы.

Скорее всего, старший сын Рахмона Рустам – глава Верхней палаты парламента (Маҷлиси миллии), мэр Душанбе и будущий президент – сохранит созданный его отцом стиль. Как и в случае Кыргызстана, китайские партнеры скорее всего преподнесут ему целый ворох персональных подарков. В январе 2022 года в интервью одному китайскому СМИ по случаю тридцатилетия установления дипломатических отношений между Таджикистаном и Китаем молодой Рахмон выразил благодарность Китаю за то, что тот протянул «руку дружеского сотрудничества», и заявил, что таджикский народ согласен с китайской поговоркой, гласящей, что «рыба живет благодаря воде и траве, а их сердца выбирают доброту и дружбу».¹⁰⁷

Выводы и уроки

Анализ помощи Китая странам Центральной Азии через призму китайских подарков, приносящих выгоду обеим сторонам, позволяет сделать несколько выводов. Очевидно, что важной составляющей китайской помощи являются личные отношения, поскольку она преследует цель выстраивания связей с правящей элитой. Это справедливо как для Кыргызстана, который пережил несколько смен режима, так и для Таджикистана, где у власти находится более стабильный и долговечный режим. Китайская помощь создает политические, социальные и культурные связи на многих уровнях (между правительствами, между лидерами и между людьми), но прежде всего на уровне местных элит, которые могут использовать китайские подарки для достижения внутривнутриполитических целей и обеспечения поддержки со стороны своих граждан.

Китайские официальные лица используют подарки для выражения симпатии и солидарности, а местные элиты в ответ выражают Пекину благодарность и признательность, пусть даже они и используют его щедроты в личных интересах. Церемонии передачи помощи превратились в политический театр, где обеим сторонам удобно выражать свои чувства, поскольку китайские должностные лица и их центральноазиатские коллеги стремятся дополнять цели друг друга.

Тем не менее, за внешней помпой и риторикой скрываются более сложные идеи и чувства. Центральноазиатские получатели китайской помощи подозревают, что ее подлинные мотивы

отличаются от декларируемых. Правящие элиты, просящие и получающие эти подарки, должны прилагать дополнительные усилия, чтобы представлять их должным образом в местном политическом контексте, потому что в социальных сетях обычные граждане Кыргызстана и Таджикистана зачастую высказывают сомнения относительно стоящих за ними намерений и целей. Такие подозрения могут привносить – и иногда привносят – трения в двусторонние отношения между Китаем и странами Центральной Азии, особенно когда они приводят к публичным скандалам, как это было в случае реконструкции Бишкекской ТЭЦ.

Однако не стоит недооценивать влияния масштабных китайских инвестиций на развитие более тесных межличностных связей между элитами. По крайней мере, в некотором смысле в этом и заключается цель китайской помощи. Участие офицеров, военных, инженеров и других специалистов из центральноазиатских стран – многие из которых тесно связаны с правящими кругами – в проектах и обучающих программах, проводимых китайскими властями, создает возможности для построения социальных связей и для более широкого внедрения Китая в местную политику.

В частности, на уровне связей между национальными лидерами китайские официальные лица прилагают значительные усилия для развития межличностных связей с коллегами из стран Центральной Азии. Вне зависимости от того, кто обретается в Чжуннаньхае или в президентских дворцах стран региона, встречи высокого уровня между китайскими и центральноазиатскими чиновниками проходят часто и регулярно. Эти связи укрепляются за счет стремления обеих сторон взаимовыгодно использовать китайские подарки.

Для Китая и лидеров Кыргызстана и Таджикистана укрепление и поддержание этих отношений сопровождалось многолетним процессом обучения. Обе стороны постоянно знакомились с методами работы друг друга и приспосабливались к ним. Китай сделал ставку на подход, направленный на правящие элиты стран-получателей. В свою очередь, центральноазиатские правительства наблюдают за подъемом Китая и за тем, как он оказывает помощь в других регионах мира, и изменяют свои запросы соответствующим образом. Как и в других частях мира, общественное мнение в Центральной Азии влияет на усилия местных элит, заставляя их адаптировать к местным условиям и политическим реалиям направляемые Китаю запросы.

Однако оказание помощи дает Китаю дополнительное преимущество, поскольку помогает создавать новое, ориентированное на Пекин чувство порядка. Китай, оказывающий такую помощь, и страны Центральной Азии, получающие ее, играют свои роли в де-факто иерархическом международном порядке, который отражает некоторые предпочтения Пекина. Хотя Китай представляет свою помощь как «безвозмездную», у его подарков есть подоплека политической целесообразности, и они предполагают некоторую взаимность со стороны получателей, которые должны идти навстречу пожеланиям Пекина. Так, символами

благодарности и лояльности со стороны центральноазиатских партнеров служат приверженность принципу «одного Китая» или, по крайней мере, согласие с ним и обязательство не поддерживать те силы в Синьцзяне, которые китайские власти называют «сепаратистскими, экстремистскими и террористическими».

В таком положении дел прослеживаются отголоски – пусть и слабые – традиционной даннической системы, которая была намного более интерактивной, чем ее пытаются сегодня карикатурно изобразить, ведь, как бы то ни было, эти исторические договоренности укрепляли ориентированный на Китай порядок. Провозглашенное Китаем стремление к гармонии в рамках сегодняшней системы международных отношений перекликается с идеализированной гармонией даннической системы, которая включала различные общества в китайский миропорядок. Благосклонность императора по отношению к более мелким властителям и народам находит аналогию в подчеркнутой благожелательности современных руководителей Китая по отношению к своим центральноазиатским коллегам и в соответствующей щедрости китайской помощи.

По сути, возглавляемые Китаем региональные форумы вроде ШОС можно рассматривать как современные версии некогда устраивавшихся при дворах приемов. Формальное равенство государств-участников форумов предполагает ротацию места их проведения, однако именно Китай помогает покрыть расходы на организацию. В свою очередь, страны Центральной Азии приспосабливаются к предпочитаемым Китаем формам и принимают предлагаемую им повестку и многие аспекты риторики Пекина. Как китайские, так и центральноазиатские политики высоко ценят помпезную обстановку, царящую на встречах ШОС и других саммитах, полагая, что она укрепляет их международный имидж и легитимность внутри своих стран.

Насколько адаптивен Китай? Пример Кыргызстана демонстрирует, что Китаю многому удалось научиться: в этой центральноазиатской стране общество открыто, критика должностных лиц и их решений является обычной чертой общественной жизни, а правительства и правящие элиты часто меняются. При этом действия китайских властей привлекают особое внимание общественности, и вопросы, связанные с Китаем, могут вызывать большие волнения и даже провоцировать протесты. Тем не менее Китай нашел подходы ко всем лидерам Кыргызстана, приспосабливая свои подарки так, чтобы подчеркнуть общественные приоритеты каждого из них, награждая родные для этих лидеров регионы и выстраивая взаимоподдерживающиеся отношения, основанные на материальной основе.

Складывающиеся в результате этих процессов отношения оказываются более сложными, напряженными и далеко не такими гармоничными, как это любит представлять Пекин. Несмотря на риторику о сотрудничестве по линии Юг-Юг, народы Центральной Азии ощущают зарождение новой иерархии и публично высказывают опасения, что их страны окажутся подавлены Китаем. Местные элиты научились извлекать выгоду из действий Китая и благодарить

его, но их лояльность изменчива и определяется конфигурацией местной власти. Китаю придется приспособливаться и дальше, поскольку политические перемены, вероятно, продолжаться в Кыргызстане и рано или поздно произойдут в Таджикистане.

Сочетание материальных подарков и межличностных социальных уз среди элит является отличительной чертой подхода Китая к Центральной Азии. Эта характеристика резко контрастирует с западным подходом, в рамках которого взаимодействие с Центральной Азией, как правило, обуславливается политическими нормами и принципами. Китайский порядок гибче приспособливается к различным типам обществ, но при этом он четко и недвусмысленно служит интересам Китая. Тем не менее, подход Пекина также влечет за собой недовольство на местах, которое могут держать под контролем только региональные элиты.

Об авторе

Наргис Касенова – старший научный сотрудник и директор программы по Центральной Азии Центра российских и евразийских исследований Дэвиса (Гарвардский университет) и доцент кафедры международных отношений и региональных исследований Университета КИМЭП (Алматы, Казахстан).

Примечания

- 1 Pooja Pingua. “China’s Policies For Combating Domestic Terrorism In Xinjiang.” *World Affairs: The Journal of International Issues* 21, no. 3 (2017): 62–71. <https://www.jstor.org/stable/48531353>.
- 2 Jacob Mardell, “Foreign Aid with Chinese Characteristics,” *The Diplomat*, August 7, 2018, <https://thediplomat.com/2018/08/foreign-aid-with-chinese-characteristics/>.
- 3 The Russian term for such gift giving is безвозмездная помощь
- 4 Подробнее о мастерских Лу Баня: “Luban Workshop – China’s vocational education going global.” *China Education Daily*, May 10, 2018, http://en.moe.gov.cn/Specials/Specials_40th/Achievements/201805/t20180531_337956.html; “МАСТЕРСКАЯ ИМЕНИ ЛУ БАНЯ. В Душанбе открылся первый в Центральной Азии Центр передового опыта в области технологий!” Таджикистан 24, 8 августа 2022, <https://web.archive.org/web/20221218103604/https://tajikistan24.com/masterskaja-imeni-lu-banja-v-dushanbe-otkrylja-pervyj-v-centralnoj-azii-centr-peredovogo-opyta-v-oblasti-tehnologij/>; Ксения Тимофеева, “Китай отправит в КР 500 тыс. доз вакцины и врачей для лечения страдающих катарактой,” *Kaktus Media*, 26 августа 2022, https://kaktus.media/doc/465939_kitay_otpraviv_v_kr_500_tys._doz_vakciny_i_vrachej_dlja_lechenija_stradaushih_kataraktoj.html.
- 5 Maria Serena I. Diokno, Michael Hsiao Hsin-Huang, and Alan H. Yang, eds. *China’s Footprints in Southeast Asia* (NUS Press, 2019), <https://doi.org/10.2307/j.ctv9hj8v9>; Pippa Morgan, “Can China’s Economic Statecraft Win Soft Power in Africa? Unpacking Trade, Investment and Aid,” *Journal of Chinese Political Science* 24, no. 3 (2019): 387–409. <https://doi.org/10.1007/s11366-018-09592-w>; Samantha Custer et al, “Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing’s Toolkit to Influence South and Central Asia,” *AidData at William & Mary*, December 10, 2019, 4–5. <https://www.aiddata.org/publications/silk-road-diplomacy>; Lina Benabdallah. *Shaping the Future of Power: Knowledge Production and Network-building in China-Africa Relations* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 2020.)
- 6 Volker M. Heins, Christine Unrau, and Kristine Avram, “Gift-Giving and Reciprocity in Global Society: Introducing Marcel Mauss in International Studies,” *Journal of International Political Theory* 14, no. 2 (2018): 126–144.
- 7 Daniel Markovits, Austin Strange, and Dustin Tingley. “Foreign aid and the status quo: Evidence from Pre-Marshall Plan Aid.” *The Chinese Journal of International Politics* 12, no. 4 (2019): 585–613.
- 8 Онлайн-интервью, проведенные автором с респондентами из Кыргызстана и Таджикистана в июле-августе 2021 года; Zafar Saidov, “The Republic of Tajikistan in the International Arena Before and After the Announcement of the ‘Open Door’ Policy,” unpublished monograph, 2015, 69.
- 9 James Hevia, *Cherishing Men from Afar. Qing Guest Ritual and the Macartney Embassy of 1793*, (Durham and London: Duke University Press, 1995), 34.
- 10 Сохранение некоторых механизмов обнаружили Мосс и его последователи, когда проводили параллели между архаическими и современными обществами.
- 11 John Fairbank, *The Chinese World Order. Traditional China’s Foreign Relations*, (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1968), 10–11.
- 12 James Millward, *Beyond the Pass. Economy, Ethnicity, and Empire in Qing Central Asia, 1759-1864*, (Stanford, California: Stanford University Press, 1998), 48. <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9780804797924/html>.
- 13 Fairbank, 11.
- 14 Joseph Fletcher, “China and Central Asia, 1368-1884”, *The Chinese World Order. Traditional China’s Foreign Relations*, edited by John Fairbank, (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2013), 216-221; Michael E. Clarke, *Xinjiang and China’s Rise in Central Asia – A History*, (London and New York: Routledge, 2011), 25.

- 15 Rico Isaacs, Erica Marat, and Nicholas Seay, *Routledge Handbook of Contemporary Central Asia*. (New York, NY : Routledge, Taylor & Francis Group, 2021).
- 16 Ibid; Jin Noda, *The Kazakh Khanates Between the Russian and Qing Empires* (Leiden: Brill, 2016), 70.
- 17 Nicola Di Cosmo, “Kirghiz Nomads on the Qing Frontier. Tribute, Trade, or Gift Exchange?,” in *Political Frontiers, Ethnic Boundaries and Human Geographies in Chinese History*, ed. Nicola di Cosmo and Don J. Wyatt (Taylor & Francis Group, 2003), 366-367.
- 18 Fairbank, 12.
- 19 Heins et al., 127.
- 20 Hans Morgenthau, “A Political Theory of Foreign Aid,” *American Political Science Review* 56, no. 2 (1962): 301–309.
- 21 Samantha Custer et al, “Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing’s Toolkit to Influence South and Central Asia.” AidData at William & Mary, December 10, 2019, pp.4-5. <https://www.aiddata.org/publications/silk-road-diplomacy>.
- 22 Hattori, Tomohisa. “Reconceptualizing foreign aid.” *Review of International Political Economy* 8, no. 4 660-633 :(2001).
- 23 <https://thediplomat.com/2018/08/foreign-aid-with-chinese-characteristics/>.
- 24 The State Council of the People’s Republic of China, *China’s International Development in the New Era*, (Beijing: The State Council Information Office of the People’s Republic of China, 2021) http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.html
- 25 Wang Yi, “Study and Implement Xi Jinping Thought on Diplomacy Conscientiously and Break New Ground in Major-Country Diplomacy with Chinese Characteristics,” speech, inauguration of The Xi Jinping Thought on Diplomacy Studies Centre, July 20, 2020, https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/202007/t20200721_678873.html.
- 26 The State Council of the People’s Republic of China, *China’s International Development in the New Era* (Beijing: The State Council Information Office of the People’s Republic of China, 2021) http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.html
- 27 В 1964 году китайское правительство провозгласило Восемь принципов оказания экономической и технической помощи другим странам, суть которых сводилась к равенству, взаимной выгоде и отсутствию каких-либо обязательств – так была сформулирована основа китайской иностранной помощи. “The Chinese Government’s Eight Principles for Economic Aid and Technical Assistance to Other Countries,” January 15, 1964, Wilson Center History and Public Policy Program Digital Archive, (Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 1990), 388.
- 28 The State Council of the People’s Republic of China, *China’s International Development in the New Era* (Beijing: The State Council Information Office of the People’s Republic of China, 2021) http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.html.
- 29 Сюда входят Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Форум сотрудничества Китай-Африка (ФОКАК), Форум по экономическому и торговому сотрудничеству между Китаем и португалоговорящими странами, Форум сотрудничества Китая и арабских государств, Форум Китая и Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна, Китайско-карибский форум экономического и торгового сотрудничества и Форум экономического развития и сотрудничества между Китаем и островными странами Тихого океана. Patricia M. Kim, “China’s Search for Allies: Is Beijing Building a Rival Alliance System?” *Foreign Affairs*, November 15, 2021, https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-11-15/chinas-search-allies?check_logged_in=1.

- 30 В ходе саммита по случаю семидесятой годовщины ООН, проходившего в сентябре 2015 года, Си объявил о следующих обязательствах на ближайшие пять лет: поддержка «шести сотен проектов» – 100 проектов по сокращению бедности, 100 проектов сельскохозяйственного сотрудничества, 100 проектов помощи торговли, 100 проектов по сохранению окружающей среды и реагированию на изменение климата, 100 больниц и клиник, 100 школ и центров профессиональной подготовки. “China’s International Development Cooperation in the New Era,” China Daily, November 1, 2021, https://global.chinadaily.com.cn/a/202101/11/WS5ffb954aa31024ad0baa19e3_3.html.
- 31 Jingdong Yuan, Fei Su, and Xuwang Ouyang, “China’s Evolving Approach to Foreign Aid,” Stockholm International Peace Research Institute, May 2022, <https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-05/sipripp62.pdf>.
- 32 The State Council of the People’s Republic of China, *China’s International Development in the New Era*, (Beijing: The State Council Information Office of the People’s Republic of China, 2021), https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.html.
- 33 Ibid.
- 34 George Tubei, “7 African Countries Whose Parliament Buildings Today Stay Tall Courtesy of Chinese Money,” Pulse Live, May 14, 2019, <https://www.pulselive.co.ke/bi/politics/7-african-countries-whose-parliament-buildings-were-built-by-chinese-money/ncw3qrx>.
- 35 The State Council of the People’s Republic of China, *China’s Foreign Aid* (Beijing: The State Council Information Office of the People’s Republic of China, 2011), http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/2014/09/09/content_281474986284620.htm.
- 36 Lina Benabdallah. *Shaping the Future of Power: Knowledge Production and Network-building in China-Africa Relations*. (Ann Arbor: University of Michigan Press, 2020.)
- 37 Mei-hui Mayfair Yang, *Gifts, Favors, and Banquets: The Art of Social Relationships in China* (Ithaca: Cornell University Press, 1994).
- 38 The State Council of the People’s Republic of China, *China’s International Development in the New Era* (Beijing: The State Council Information Office of the People’s Republic of China, 2021), https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.html.
- 39 Pooja Pingua, “China’s Policies For Combating Domestic Terrorism In Xinjiang.” *World Affairs: The Journal of International Issues* 21, no. 71–62 : (2017) 3. <https://www.jstor.org/stable/48531353>.
- 40 “Hu Jintao and Islam Karimov Agreed to Deepen Sino-Uzbek Mutually Beneficial Cooperation in All Spheres,” Embassy of the People’s Republic of China, May 27, 2005, http://uz.china-embassy.gov.cn/rus/sgxx/sgsd/200505/t20050527_1957183.htm.
- 41 “US\$900m Loans to SCO Members for China Exports,” China Daily, May 31, 2006, https://www.chinadaily.com.cn/china/2006-05/31/content_604550.htm.
- 42 Chris Buckley, “China Offers \$10 Billion Credit to Boost Central Asia,” Reuters, June 16, 2009, <https://www.reuters.com/article/us-summit-sco-china-sb/china-offers-10-billion-credit-to-boost-central-asia-idUSTRE55F1KW20090616>.
- 43 “Китайского лидера принимают в Узбекистане как исключительно дорогого и важного гостя,” Новостное агентство Фергана, 15 июня 2004, <https://www.fergananews.com/articles/2941>.
- 44 Xi Jinping, “Promote Friendship between Our People and Work Together to Build a Brighter Future,” speech, Nazarbayev University, September 7, 2013, <https://web.archive.org/web/20220611210003/https://www.fmprc.gov.cn/ce/cebel/eng/zxxx/t1078088.htm>.
- 45 Ibid.
- 46 Xi Jinping, “Promote Friendship between Our People and Work Together to Build a Brighter Future,” speech, Nazarbayev University, September 7, 2013, <https://web.archive.org/web/20220611210003/https://www.fmprc.gov.cn/ce/cebel/eng/zxxx/t1078088.htm>.

- 47 “Joint statement of ministers of foreign affairs – Central Asia-China conference in video format,” News Central Asia, July 22, 2020, <http://www.newscentralasia.net/2020/07/22/joint-statement-of-ministers-of-foreign-affairs-central-asia-china-conference-in-video-format/>.
- 48 Xi Jinping, “Joining Hands for a Shared Future,” speech, Virtual Summit to Commemorate the 30th Anniversary of Diplomatic Relations between China and Central Asian Countries, January 25, 2022, https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202201/t20220125_10633542.html.
- 49 Xi Jinping, “Carry Forward the Five Principles of Peaceful Coexistence To Build a Better World Through Win-Win Cooperation,” speech, meeting marking the 60th anniversary of the Five Principles of Peaceful Coexistence, June 28, 2014, https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/201407/t20140701_678184.html#:~:text=Echoing%20this%20historical%20trend%2C%20China,mutual%20benefit%2C%20and%20peaceful%20coexistence.
- 50 Совместное кыргызско-китайское коммюнике от 16 мая 1992 года; размещено на правовом портале ТОКТОМ: <https://online.toktom.kg>.
- 51 Совместная декларация от 4 июля 1996 года между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой об основах дружественных отношений; размещено на правовом портале ТОКТОМ: <https://online.toktom.kg>.
- 52 Акаев А.А. Трудная дорога к демократии. Памятное десятилетие : [Мемуары] — М. : Международные отношения, 2002.
- 53 Там же, 336.
- 54 Нарын Айып, “КИТАЙ ОКАЗЫВАЕТ ГУМАНИТАРНУЮ ПОМОЩЬ МИНИСТЕРСТВУ ОБОРОНЫ,” News Radio Azattyk, 18 октября 2002, <https://www.azattyk.org/a/1202295.html>; “КИТАЙ ПРЕДОСТАВИЛ МИНОБОРОНЫ КЫРГЫЗСТАНА ВОЕННУЮ ПОМОЩЬ НА \$0.97 МЛН,” АКIPress, 18 октября 2022, <https://rus.gateway.kg/18-10-2002-kitay-predostavil-minoborony-kyrg/?print=pdf>; Кубат Оторбаев, “КИТАЙ ОКАЗАЛ КЫРГЫЗСТАНУ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ,” Radio Azattyk, 15 ноября 2003, <https://www.azattyk.org/a/1216291.html>.
- 55 Niva Yau Tsz Yan, “China’s Security Management Towards Central Asia,” Foreign Policy Research Institute, April 1, 2022, <https://www.fpri.org/article/2022/04/chinas-security-management-towards-central-asia>.
- 56 Titus C. Chen, “China’s Reaction to the Color Revolutions: Adaptive Authoritarianism in Full Swing,” *Asian Perspective*, 34, (2010): <https://doi.org/10.1353/apr.2010.0022>.
- 57 Роза Отунбаева дважды занимала пост министра иностранных дел Кыргызстана – в 1992 и -1994-1997 годах. Курманбек Бакиев был премьер-министром страны с 2000 по 2002 год. Феликс Кулов был вице-президентом (1993-1992), председателем Службы национальной безопасности (1997) и мэром Бишкека (1999-1998).
- 58 “Китай передал Кыргызстану 1205 тракторов в качестве безвозмездной помощи,” Новостное агентство «Синьхуа», 12 декабря 2006, <http://russian.china.org.cn/russian/280454.htm>.
- 59 Дмитрий Фурман и Санобар Шерматова. Кыргызские циклы. Москва, «Наука», 2012. С. 85.
- 60 Нургазы Анаркулов. “Аллергия на Китай в Кыргызстане проходит,” ЦентрАзия, 10 июля 2008, <https://centrasia.org/newsA.php?st=1215662280>.
- 61 Там же.
- 62 Wikileaks, “Отчет посла США Т.Гфэллер об итогах первого международного визита Максима Бакиева в Китай в качестве главы ЦАРИИ,” АКIPress, 4 мая 2011, http://mnenie.akipress.org/unews/un_post:751.
- 63 Атамбаев, Алмазбек. “Что мешает плохому танцору?,” АКIPress, 15 марта 2021, http://mnenie.akipress.org/unews/un_post:19857/?from=portal&place=nowread&b=2.

- 64 Там же.
- 65 “ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ фискальной политики Кыргызской Республики на 2018-2020 годы,” Министерство юстиции Республики Кыргызстан, 5 июля 2017, <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-kg/100247>.
- 66 Айганыш Абдыраева. “Долг Кыргызстана перед китайским банком по проекту строительства бумажной фабрики составляет 9,8\$ млн,” KNews, 16 марта 2015, <https://knews.kg/16/03/2015/dolg-kyrgyzystana-pered-kitayskim-bankom-po-proektu-stroitelstva-bumajnoy-fabriki-sostavlyayet-98-mln/>.
- 67 Замир Ибраев. “Китай поставит военную технику Кыргызстану на 17,5\$ млн,” KNews, 12 ноября 2011, <https://knews.kg/2013/11/12/kitay-postavit-voennuyu-tehniku-kyrgyzystanu-na-175-mln/>; Вечерний Бишкек. “Кыргызстан получит от Китая тыловое имущество на 6,5\$ миллиона,” 25 января 2014, https://www.vb.kg/doc/259429_kyrgyzstan_polychit_ot_kitaia_tylovoe_imyshestvo_na_65_milliona.html.
- 68 Elnura Alkanova, “Abuse of power? On the trail of China’s mystery millions in Kyrgyzstan,” Open Democracy, October 24, 2018, <https://www.opendemocracy.net/en/odr/what-happened-at-bishkek-power-plant/>
- 69 Алмазбек Атамбаев. “Что мешает плохому танцору?,” АКИпресс, 15 марта 2021, http://mnenie.akipress.org/unews/un_post:19857?from=portal&place=nowread&cb=2.
- 70 Кир ТАГ, “70\$ млн на ремонт дорог и археологические раскопки подарил Китай Кыргызстану”, AsiaPlus, 1 июня 2018, <https://www.asiaplustj.info/ru/news/centralasia/-70/20180601mln-na-remont-dorog-i-arheologicheskie-raskopki-podaril-kitai-kirgizstanu>.
- 71 Борубек Кудаяров, “«Мы должны быть благодарны Китаю». Сооронбай Жээнбеков об антикитайском митинге,” KaktusMedia, 9 января 2019, https://kaktus.media/doc/384966_my_doljny_byt_blagodarny_kitau._sooronbay_jeenbekov_ob_antikitayskom_mitinge.html.
- 72 Huo Xiaoguang and Hao Weiwei, «从团结合作中获取力量», Xinhua News Agency, June 17, 2019, http://www.xinhuanet.com/politics/2019-06/17/c_1124634354.htm; Вакут Толканов, “Самые яркие цитаты и моменты госвизита Си Цзиньпина в Кыргызстан — обзор,” Sputnik Кыргызстан, 13 июня 2019, <https://ru.sputnik.kg/20190613/kyrgyzstan-si-czinpin-gosvizit-itogi-1044682940.html>.
- 73 “Манас,” EcoTour, дата обращения: 23 ноября 2022, <https://ecotour.kg/heritage/manas/>.
- 74 Xinhua News Agency, “Chinese opera staged in Kyrgyz capital helps to boost bilateral ties,” *People’s Daily*, June 14, 2019, <http://en.people.cn/n3/2019/0614/c90000-9587987.html>.
- 75 Осмонакун Ибраимов, “Китайский триумф «Манаса», или Как Кыргызский оперный сотряслся от оваций,” Радио Азаттык, 12 июня 2019, <https://rus.azattyk.org/a/29994923.html>.
- 76 Niva Yau, “China Business Briefing: Not Happy With Kyrgyzstan,” Eurasianet, November 3, 2020, <https://eurasianet.org/china-business-briefing-not-happy-with-kyrgyzstan>.
- 77 Temur Umarov, “Dangerous Liaisons: How China is Taming Central Asian Elites,” Carnegie Endowment for International Peace, January 29, 2021, <https://carnegiemoscow.org/commentary/83756>.
- 78 Синьхуа Новости, “Китайская вакцина от COVID19- доставлена в Кыргызстан,” Russian.News.Cn, 20 марта 2021, http://russian.news.cn/2021-03/20/c_139822563.htm.
- 79 “Companies from China’s Guangdong Province hand over PPE to Bishkek medics,” Kabar Kyrgyz National News Agency, May 2, 2020, <http://en.kabar.kg/news/companies-from-chinas-guangdong-province-hand-over-ppe-to-bishkek-medics/>.
- 80 “Посол Ду Дэвэнь приняла участие в церемонии передачи гумпомощи мэрии Бишкека,” Посольство Китайской Народной Республики в Кыргызской Республике, 2 мая 2020, http://kg.china-embassy.org/rus/dssghd/202006/t1302171_20200619.htm.
- 81 Maxim Ryabkov, “The north-south cleavage and political support in Kyrgyzstan”, *Central Asian Survey* 27: (2008): <https://doi.org/10.1080/02634930802536688>.

- 82 “Подписаны Обменные письма по реализации проекта «Развитие улично-дорожной сети города Бишкек (1- Фаза)». Министерство экономики и коммерции Кыргызской Республики, 20 июня 2016, <http://mineconom.gov.kg/ru/post/4003>; Пресс-служба Министерства экономики и коммерции. “Посол КНР в КР сообщила об успешном завершении первой фазы проекта «Развитие улично-дорожной сети Бишкека»,” Vesti.kg, 5 марта 2022, <https://vesti.kg/zxc/item/-97363posol-knr-v-kr-soobshchila-ob-uspeshnom-zavershenii-pervoj-fazy-proekta-razvitie-ulichno-dorozhnoj-seti-bishkeka.html>.
- 83 “Китай приостановил работу генконсульства в Оше. Почему,” Sputnik Кыргызстан, 29 августа 2019, <https://ru.sputnik.kg/20190829/genkonsulstvo-china-osh-1045558982.html>.
- 84 Елена Цой. “В Оше открылась крупнейшая в ЦА хирургическая больница,” Вечерний Бишкек, 22 апреля 2019, https://www.vb.kg/doc/377996_v_oshe_otkrylas_krypneyshaia_v_ca_hiryrgicheskaia_bolnica_fotoreportaj_vb.kg.html.
- 85 “Мэрия Оша: Китай безвозмездно отремонтирует центральную площадь,” Радио Азаттык, 11 мая 2018, <https://rus.azattyq.org/a/29220733.html>.
- 86 Дастан Умоттегин, “Ош: Китайские дипломаты подарили мэру новый внедорожник,” Клоор, 17 ноября 2016, <https://kloop.kg/blog/2016/11/17/osh-kitajskie-diplomaty-podarili-meru-novyj-vnedorozhnik/>.
- 87 “Праздник ШОС, или Зачем Кыргызстан осыпали подарками,” KNews, 15 июня 2019, <https://knews.kg/15/06/2019/prazdnik-shos-ili-zachem-kyrgyzstan-osypali-podarkami/>.
- 88 Намроkhon Zarifi, *Tajikistan Diplomacy: The Past and Present*, Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan, 2009, Vol. 1 https://www.mfa.tj/uploads/main/2013/03/tajikistan_diplomacy_the_past_and_the_present_en.pdf, 107.
- 89 Saidov, “The Republic of Tajikistan in the International Arena,” 69, 92.
- 90 Ibid, p. 137.
- 91 Ibid, p. 138.
- 92 “AidData’s Global Chinese Development Finance Dataset, Version 2.0,” AidData, September 29, 2021. <https://www.aiddata.org/data/aiddatas-global-chinese-development-finance-dataset-version-2-0>.
- 93 Аваз Юлдашев. “Китай построит на таджикско-афганской границе 10 погранзастав,” Asia-Plus, 14 ноября 2016, <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20161114/kitai-postroit-na-tadzhiksko-afganskoi-granitse-14-obektov>.
- 94 Brendan Scott, “China to Build Tajik Police Base to Secure Porous Afghan Border,” Bloomberg, October 28, 2021, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-10-28/china-to-build-tajik-police-base-to-secure-porous-afghan-border?leadSource=verify%20wall>.
- 95 Stephen Blank, “China Joins the Great Central Asian Base Race,” Eurasianet, November 16, 2005, <https://eurasianet.org/china-joins-the-great-central-asian-base-race>.
- 96 “Xi receives Crowd Order from Tajik President Rahmon,” China Daily, June 16, 2019, <https://web.archive.org/web/20230502002633/https://www.chinadailyhk.com/articles/101/41/157/1560656505288.html>.
- 97 Bruce Pannier, “Emomali Rahmon: An Accidental Leader Who Has Stayed in Power for Decades,” RFE/RL, October 13, 2020, <https://www.rferl.org/a/emomali-rahmon-the-accidental-leader-who-has-stayed-in-power-for-decades/30890337.html>.
- 98 Дом офицеров – часть советского наследия. В таких «домах», существовавших по всему Советскому Союзу, проводились культурные мероприятия Советской Армии.
- 99 “Китай построит в Душанбе Дом офицеров,” Вечерка, 6 июня 2012, <https://vecherka.tj/archives/4810>.

- 100 Мусо Бобоходжиев. “Строительство зданий парламента и правительства в Душанбе завершится в 2023 году,” Asia-Plus, 4 февраля 2022, <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20220204/stroitelstvo-zdaniy-parlamenta-i-pravitelstva-v-dushanbe-zavershitsya-v-2023-godu>.
- 101 См. критические комментарии к этой статье: Пайрав Чоршанбиев. “Строительство новых зданий правительства и парламента Таджикистана начнется в ближайшее время,” Asia-Plus, January 2020 ,31, <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20200131/stroitelstvo-novih-zdaniy-pravitelstva-i-parlamenta-tadzhikistana-nachnetsya-v-blizhaishee-vremya>
- 102 АКIPress, “Атамбаев сообщил, что Китай предлагал ему бесплатно построить офис, но он попросил Си Цзиньпина отремонтировать дороги Бишкека,” For.kg, 20 апреля 2022, <https://web.archive.org/web/20230502002631/https://www.for.kg/news-761079-ru.html>.
- 103 “Reconnecting Asia Project Database,” Center for Strategic and International Studies, May 14, 2021, <https://reconnectingasia.csis.org/database/projects/carec-dushanbekulma-road-dushanbe-dangara-section-phase-2/9d21c81e-6931-4df6-9dd4-650c86518ecb/>; “Project ID: 44040: China Eximbank provides \$50.54 million preferential buyer’s credit for Third Stage (Chormagzak Tunnel) of Phase 1 of the Dushanbe-Dangara Road Reconstruction Project,” AidData, 2022, <https://china.aiddata.org/projects/40440/>; “Chinese Firm to Provide Drinking Water to School and Village in Dangara in Tajikistan,” Silkroad News, November 1, 2017, <http://silkroadnews.org/en/news/chinese-firm-to-provide-drinking-water-to-school-and-village-in-dangara-in-tajikistan>.
- 104 Аваз Юлдашев, “Китай построит три школы в Хатлонской области” Asia-Plus, 16 июля 2018, <https://asiaplustj.info/news/tajikistan/economic/20180716/kitai-postroit-tri-shkoli-v-hatlonskoi-oblasti>.
- 105 “Tajikistan: President’s Family Distributes Humanitarian Aid on Their Behalf,” Acca Media, May 16, 2020, <https://acca.media/en/tajikistan-presidents-family-distributes-humanitarian-aid-on-their-behalf/>.
- 106 “Xi Jinping Attends Family Banquet Held By President Emomali Rahmon of Tajikistan,” Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China, September 13, 2014, https://web.archive.org/web/20160227053643/http://www.fmprc.gov.cn:80/mfa_eng/topics_665678/zjpcxshzcygyslshdsschybdtjkstmedfsllkydjxgsw/t1191510.shtml.
- 107 “The Eldest Son of Rahmon Quoted an Old Chinese Saying...”, Min News, June 24, 2022, <https://min.news/en/world/803cb37e3854bfc9966af02019b263b0.html>.

1779 Massachusetts Avenue NW | Washington, DC 20036 | P: +1 202 483 7600

CarnegieEndowment.org